ГОДЪ КІЕВСКІЯ XXXVIII

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1900 года. № 18. 15 Сентября.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Св. Евстафій Плакида.

I.

Во второмъ столѣтіи по Р. Х., въ царствованіе императора Траяна, христіанскій міръ среди гоненій былъ изумлень добродѣтелями и мужествомъ въ несчастіяхъ римскаго полководца Плакиды; начальникъ этотъ пріобрѣлъ славу великаго побѣдителя Пареянъ и на его долю выпала честь привести этихъ враговъ Рима къ миру.

Плакида происходилъ изъ фамиліи, которая считалась въ имперіи одной изъ самыхъ древнихъ и благородныхъ; супруга его была прекрасна и добродѣтельна; знатное происхожденіе и возвышенность чувствъ ея вполнѣ отвѣчали склонностямъ ея мужа. Богатство, почести, благополучіе какъ бы состязались, чтобы осыпать это семейство всѣмъ, что составляетъ земное счастье. Два сына, блестящія способности которыхъ давали право лелѣеть на ихъ счетъ самыя радужныя надежды, тѣсно скрѣпляли узы родителей и обѣщали нѣкогда стать утѣшеніемъ и гордостью ихъ старости. Полное благо-

родства, серьезное выраженіе Плакиды какъ бы отпечаталось на дѣтскихъ чертахъ старшаго, а прелестное личико младшаго дышало кротостью матери. Ихъ врожденное стремленіе дѣлать добро, поощряемое прекраснымъ воспитаніемъ, служило вѣрнымъ залогомъ того, что впослѣдствіи они съ пользою употребятъ свои добродѣтели. Сколько разъ счастливая мать мечтала объ ихъ блестящей будущности!

Плакида славился во всей имперіи талантами и храбростью; но благотворенія и гуманность сдѣлали его еще болѣе дорогимъ римскому народу, когда онъ пересталъ устрашать его враговъ. Занимаясь воздѣлываніемъ своихъ земель, онъ содержалъ множество слугъ и служанокъ, которые по обычаю того времени, были его невольниками. Однако онъ не только не давалъ имъ чувствовать всей тяжести этого положенія, но, какъ добрый господинъ, старался облегчать ихъ страданія и заставить забыть о ихъ жалкомъ состояніи. Сердце полководца устояло отъ увлеченія предразсудками эпохи: онъ смотрѣлъ на рабовъ, какъ на людей и обращался съ ними съ добротой.

Особенно любилъ Плакида, когда они, собравшись вокругъ него, предавались веселью. При наступленіи новаго времени года онъ каждый разъ устроивалъ имъ небольшой деревенскій праздникъ; его попеченія не ограничивались одной бдительностью объ ихъ тѣлесныхъ нуждахъ; онъ старался также о поддержаніи въ нихъ кроткой веселости и добродушно утѣшалъ тѣхъ, которые предавались отчаянію. Онъ подкрѣплялъ ихъ бодрость обѣщаніемъ свободы и даже возвратилъ ее тѣмъ изъ нихъ, которые, по его мнѣнію, могли воспользоваться ею ко благу. Онъ помѣщалъ ихъ въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ строилъ имъ небольшіе домики и отводилъ для обработки участки земли, взимая за это самую незначительную долю.

Нѣсколько воиновъ, храбро служившихъ подъ его начальствомъ, выпросили у него позволенія поселиться вблизи него. На нихъ были возложены извѣстныя обязанности по управленію хозяйствомъ. Плакида радъ былъ раздѣлить съ ними мирное счастье уединенія послѣ тягостной Парѳянской войны.

Неимущіе чужеземцы, убогіе, всѣ испытанные несчастіемъ, находили въ его домѣ великодушное гостепріимство и привѣтъ. Никогда Плакида не отпускалъ ихъ, не подавъ имъ помощи и утѣшенія. И богатствомъ онъ дорожилъ лишь потому, что она давала ему возможность расточать благодѣянія ближнимъ. Съ наслажденіемъ унижался онъ до того, что перевязывалъ раны бѣдняка той самой рукой, которая такъ доблестно носила мечь и копье.

Однажды на праздникъ возвращенія весны нѣкоторые вольноотпущенники, признательные ему за благодѣянія, явились къ нему съ женами и дѣтьми и проливая сладкія слезы благодарности, поднесли ему вѣнокъ изъ цвѣтовъ.

— Смотри, сказалъ Плакида своей женѣ, этотъ простой вѣнокъ славнѣе кровавыхъ лавровъ побѣды! О! во сколько разъ, орошенный слезами этихъ честныхъ людей, онъ мнѣ милѣе ихъ!

Обширныя владѣнія Плакиды, расположенныя между Тибромъ и Пренестой, съ одной стороны простирались до покрытой лѣсами горы, гдѣ ютилось поразительное множество дикихъ звѣрей. Плакида любилъ охотиться здѣсь; охота съ ея опасностями и утомленіями, являлась для него образомъ войны. Это занятіе мѣшало ему погрузиться въ опасный покой, который сдѣлалъ-бы его неспособнымъ къ начальствованію, если бы отечество снова призвало его къ тому въ случаѣ нужды. Съ нѣкотораго времени это удовольствіе стало занимать его больше, чѣмъ обыкновенно. Часто случалось ему по два и по три дня оставаться въ лѣсу; не разъ прово-

дилъ онъ ночь въ сѣни вѣтвистаго дерева или въ скалистой пещерѣ. Но не увлеченіе охотой понуждало его такъ поступать; его волновали совершенно другія серьезныя мысли. Въ умѣ его совершался огромный переворотъ. На досугѣ деревенской жизни Плакида сталъ внимательно размышлять о бренности человѣческой жизни, о назначеніи, цѣли и концѣ человѣка. Глубокое и мрачное спокойствіе лѣса, гдѣ не смущали его ни дѣти, ни жена, какъ нельзя болѣе подходило къ его душевному настроенію, и онъ любилъ здѣсь размышлять. Иногда провожатые думали, что онъ потерялъ ихъ, преслѣдуя хищное животное, въ то время какъ онъ невдалекѣ, усѣвшись въ тѣни густой листвы, предавался важнымъ мыслямъ.

Великая борьба христіанства съ язычествомъ уже колебала древній міръ. Язычники, пользуясь своей силой, мечемъ и огнемъ вели истребительную войну противъ христіанъ. Послѣдніе могли противопоставить имъ, лишь мудрую умѣренность, живую вѣру въ Бога и Искупителя міра, упованіе лучшей жизни и безконечную любовь ко всѣмъ людямъ, даже къ своимъ гонителямъ. Уже безчисленное множество христіанъ было предано смерти со свирѣпѣйшей жестокостью, но въ то время, какъ они медленно умирали въ мученіяхъ, милліоны людей прибѣгали къ подножію креста. Христіанство уже насчитывало своихъ адептовъ не въ однихъ городахъ; ученіе это проникло уже въ деревни и самые отдаленные посады; во многихъ мѣстахъ языческіе храмы были оставлены на алтаряхъ ихъ не совершали идолослуженій и предназначенныя въ жертву животныя не находили покупателей. Новая религія нашла прозелитовъ даже среди воиновъ и въ царедворцахъ.

Однажды Плакида въ сопровожденіи большой свиты, отправился въ лѣсъ въ обществѣ многихъ друзей. На горѣ всѣ разбились на маленькіе отряды. Охота шла удачно. Предъ вечеромъ Плакида сталъ преслѣдовать оленя необычайной

величины. Страстная жажда преслѣдованія увлекла его далеко отъ спутниковъ. Лѣсъ становился все гуще, вѣтви заграждали ему путь, а выползавшіе изъ подъ земли корни затрудняли бѣгъ. Наконецъ крутой обрывъ заставилъ его прекратить охоту. Утомленный и усталый сошелъ онъ съ коня и привязалъ его къ дереву. Мѣсто, гдѣ онъ очутился, показалось ему очаровательнымъ. Сквозь густую листву высокихъ тополей и мрачныхъ сосенъ просвѣчивало синее небо. По склону сосѣдняго холма, осѣненнаго лаврами, со сладкимъ журчаніемъ протекалъ ручеекъ и, пѣнясь бѣжалъ вдоль камней, покрытыхъ мохомъ. Солнечные лучи съ трудомъ проникали сквозь сплетшіяся вѣтви и освѣщали яркимъ блескомъ среди царящей полутьмы то пурпуровую чашечку цвѣтка, то сѣдыя вѣтви стараго ствола, а тамъ, далѣе, легкую пѣну водопада. Полководецъ усѣлся на четыреугольный выступъ скалы, склонилъ голову на грудь и всецѣло предался своимъ обычнымъ думамъ.

Въ умѣ Плакиды, погруженнаго въ глубокія размышленія, проходила исторія человѣческаго безумія и онъ силился открыть цѣль и конецъ нашего существованія, языческія понятія возмущали его здравый смыслъ и, однако, умъ его не удовлетворяли догматы христіанскаго вѣроученія. Среди окружающаго его мрака невѣжества, языческій полководецъ зналъ религію Христа лишь по насмѣшкамъ сослуживцевъ и самая мысль о томъ, чтобы Богъ могъ предать себя на позорную казнь, казалась ему такой невѣроятной, что онъ блуждалъ въ гибельной нерѣшимости. Всеблагій Господь еще не коснулся его сердца или, вѣрнѣе, предоставилъ его этимъ бурнымъ сомнѣніямъ для того, чтобы онъ могъ потомъ вполнѣ оцѣнить ниспосланную ему благодать.

Наконецъ, изнуренный внутренней борьбой, Плакида бросился на колѣни, сложилъ руки и поднявъ взоръ къ небесамъ, вознесъ мольбу въ слѣдующихъ словахъ:

„О, Невѣдомый Боже, душа мысли, Ты, сотворившій человѣческое сердце и вложившій въ него жалость, можешь-ли взирать безъ состраданія на твореніе свое! Не можетъ быть, чтобы тебя не тронуло мое невѣдѣніе, слабость и скорбь! Жаждущій олень находитъ источникъ, чтобы утолить пожирающую его жажду, ибо твое мудрое предвидѣніе предусмотрѣло всѣ нужды твоихъ созданій. И неужели одинъ лишь человѣкъ не можетъ утолить томящую его жажду истины, добродѣтели и счастья? Сжалься-же надъ моимъ горемъ, молю тебя, Боже Всеблагій! Ибо если здравый смыслъ мой отрицаетъ языческія суевѣрія, то онъ вмѣстѣ и отказывается вѣрить во Спасителя, котораго наши воины зрѣли умирающимъ въ мукахъ на крестѣ“!

Едва окончилъ онъ это воззваніе, какъ вниманіе его привлекъ легкій вздохъ въ лаврахъ сосѣдней скалы. Оглянувшись, онъ увидѣлъ тамъ того прекраснаго оленя, котораго такъ долго и тщетно преслѣдовалъ. Первымъ движеніемъ его было схватить лукъ и стрѣлы, и уже рука его натянула тетиву, какъ вдругъ между рогами таинстваннаго оленя предсталъ ему крестъ, окруженный ослѣпительнымъ сіяніемъ, которое на далекое разстояніе озарило погруженную во мракъ чащу. Въ ту-же минуту онъ услышалъ съ неба голосъ, который звалъ его по имени съ невыразимой нѣжностью: „Плакида, Плакида“!

Пораженный ужасомъ Плакида палъ ницъ и воскликнулъ: „кто-ты, Господи“? Голосъ отвѣчалъ: „Я Христосъ, умершій на крестѣ, чтобы спасти тебя и всѣхъ людей“. „Господи, снова сказалъ Плакида, чего Ты хочешь отъ меня? Что мнѣ дѣлать, чтобы спастись“? „Иди въ сосѣдній городъ къ христіанскому епископу, тамъ узнаешь, что тебѣ дѣлать“. Съ этими словами видѣніе исчезло, какъ молнія, и Плакида снова очутился въ глубокой лѣсной темнотѣ. Но на душѣ его было свѣтло; онъ въ священномъ экстазѣ думалъ о благости

Божіей и не помнилъ себя отъ изумленія, благодарности и любви.

Такъ какъ сейчась догонять своихъ спутниковъ было невозможно, то Плакида остался на холмѣ до утра, хотя святое рвеніе влекло его скорѣе къ Христіанскому епископу. Этотъ холмъ казался ему теперь небесными вратами, какъ нѣкогда Іакову то мѣсто, гдѣ онъ видѣлъ во снѣ таинственную лѣстницу, по которой нисходили и восходила ангелы небеснаго чертога.

II.

Едва первые солнечные лучи озолотили верхушки лавровъ на сосѣднемъ, утесѣ, Плакида вскочилъ на коня и отправился домой. Вскорѣ услыхалъ онъ призывной рогъ своихъ товарищей. Они не искали его ночью, полагая, что онъ въ безопасности, скрывшись въ дуплѣ какого-нибудь дерева, но собравшись утромъ и не видя его, начали безпокоиться за него. Бурный взрывъ радости привѣтствовало его приближеніе и при звукахъ веселыхъ фанфаръ, его проводили домой.

Когда онъ входилъ въ ворота, жена выбѣжала на встрѣрѣчу всадникамъ и радостно обратилась къ мужу:

— Иди за мной, я хочу поговорить съ тобой наединѣ.

Съ этими словами она повела его въ сосѣднее помѣщеніе.

— Что съ тобой? спросилъ Плакида. Ты взволнована какъ-бы необыкновеннымъ событіемъ.

— И правда, другъ мой; ты угадалъ. Но выслушай меня, я должна высказать свою радость и раздѣлить ее съ тобою. Дома лежала я вчера въ постели и не находила сна, безпокоясь о твоемъ отсутствіи. Поневолѣ мысли мои перешли къ занимающимъ тебя размышленіямъ о религіи верховнаго существа. Не первый разъ уже грубость язычества поражала мой умъ; но я не могла примириться съ мыслью отречься

отъ религіи предковъ, въ вѣрованіяхъ которыхъ воспитались мы вмѣстѣ съ римскимъ народомъ и его властителями. Но гдѣ найти истину? Кто освѣтитъ окружающую меня тьму? Кто поведетъ меня къ познанію правды? Незамѣтно я уснула. И мнѣ явился въ сновидѣніи таинственный незнакомецъ, полный божественнаго величія и сіяющей небесной любовью, который въ огненномъ облакѣ сошелъ ко мнѣ и сказалъ: „ты, мужъ твой и дѣти придете ко мнѣ завтра и узнаете, что я Тотъ, Кто даетъ вѣчную жизнь всѣмъ возлюбившимъ Меня и послѣдовавшимъ за Мною". Въ ту-же минуту я проснулась. Скажи, что ты думаешь о моемъ видѣніи?

Восхищенный Плакида радостно воскликнулъ:

— Благословенъ Богъ христіанъ, Единый Истинный, Создатель неба и земли, который благоволилъ явить себя и тебѣ! Онъ сжалился надъ моимъ ослѣпленіемъ; и далъ и мнѣ познать Себя.

И онъ разсказалъ ей о видѣніи въ лѣсу, и когда онъ говорилъ, жена увидѣла на его лицѣ отблескъ небеснаго свѣта, который окружалъ крестъ ослѣпительнымъ сіяніемъ.

Супруги стали совѣтоваться, что имъ дѣлатъ. Траяна,— такъ называлась жена Плакиды,—предложила мужу какъ можно скорѣе воспользоваться счастьемъ, которое ниспослало имъ Небо, и пойти къ епископу.

— Я согласенъ, произнесъ Плакида. Мы поселимся въ своемъ городскомъ домѣ и легко найденъ случай часто бесѣдовать съ епископомъ.

Римлянинъ призвалъ Акакія и Антіоха, слугъ, извѣстныхъ своей вѣрностью полководцу. Это были храбрые воины, совершившіе съ нимъ походъ на Парѳянъ. Онъ зналъ, что они искренно преданы христіанской вѣрѣ и разсказалъ имъ, что Богъ истины явился ему въ лѣсу.

Акакій, въ святомъ одушевленіи воскликнулъ поднявъ руки къ небесамъ: „Благословенъ Небесный Отецъ нашъ и

Господь и Спаситель Iисусъ Христосъ! Какъ! И ты мой предводитель, призванъ къ познанiю истины. Сотникъ Корнелiй, на котораго ты походишь по своему великому милосердiю, нашелъ милость передъ Богомъ, и ангелъ послалъ его къ Апостолу Петру; Спаситель мiра сжалился надъ тобою и посылаетъ тебя къ благочестивому епископу Iоанну. Трижды благословенъ Господь и божественный Сынъ его Iисусъ Христосъ.

— И такъ, сказалъ Плакида, мы отправляемся въ городъ. Въ провожатые берите слугъ христiанъ или тѣхъ невольниковъ, которые по поведенiю заслуживаютъ благодати креститься. По прибытiи въ городъ, идите къ епископу, засвидѣтельствуйте, что я никогда не преслѣдовалъ христiанъ, и разскажите о небесномъ видѣнiи, которое приводитъ меня къ нему съ женой и сыновьями.

Плакида сдѣлалъ поспѣшныя приготовленiя къ отъѣзду и отправился въ путь со всею семьей.

По прибытiи въ городъ, вѣрные служители явились къ епископу, которому они были извѣстны, какъ хорошiе христiане. Когда святой пастырь услыхалъ о чудѣ, лучъ небесной радости осiялъ его и, воздавъ небу горячую хвалу, онъ сказалъ: „христiанъ сильно преслѣдуютъ въ этомъ городѣ и малѣйшая неосторостность можетъ погубить васъ всѣхъ. Господь хочетъ, чтобы въ насъ простота голубя соединялась съ мудростью змiя. Какъ только тьма ночная окутаетъ землю я приду къ твоему господину“.

Воины возвратились къ Плакидѣ и разказали ему обо всемъ. По заходѣ солнца римлянинъ приказалъ зажечь множество огней въ обширной горницѣ, гдѣ собрались всѣ его домочадцы. Вскорѣ явился епископъ съ двумя дiаконами, Плакида поспѣшно пошелъ къ нему на встрѣчу и упалъ къ его ногамъ, но Iоаннъ приподнялъ его, какъ нѣкогда Петръ Корнилiя: „встань, я такой-же человѣкъ, какъ и ты“.

Епископъ вступилъ въ горницу и всѣ взоры устремились на него. Это былъ ученикъ любимаго апостола Христа, имя котораго онъ и получилъ при крещеніи. Величественный видъ его внушалъ трепетъ и благоговѣніе, а кротость и привѣтливость вызывали довѣріе и любовь.

Плакида открылъ ему свое сердце, разсказалъ о сомнѣніяхъ своихъ и о томъ, что привело его ко Христу.

Помня слова Господни „просвѣщайте передъ крещеніемъ", епископъ всякій день приходилъ въ домъ Плакиды и съ мудростью и кротостью наставлялъ его. Онъ совѣтовалъ неофитамъ часто молиться вмѣстѣ и съ молитвой соединять милостыню. Благочестивые новообращенные во всемъ сообразовались съ его наставленіями и со святымъ нетерпѣніемъ ожидали дня, когда купель Св. Крещенія омоетъ ихъ отъ грѣха и исполнитъ Духа Святаго.

Наконецъ, столь желанный день наступилъ. Небольшое число христіанъ присутствовало при этомъ таинствѣ. Трогательно и торжественно исповѣдалъ Плакида съ семьей вѣру во Іисуса Христа, отрекаясь отъ грѣховныхъ заблужденій и давая обѣтъ жить въ чистотѣ и добродѣтели. Съ нимъ вмѣстѣ были окрещены и сопровождавшіе его невольники. Переродивъ ихъ въ священныхъ водахъ крещенія, епископъ, желая совлечь съ нихъ все ветхое, далъ всѣмъ новыя имена. Плакида получилъ имя Евстафія, жена его Ѳеописты; старшій сынъ былъ названъ Агапіемъ, а младшій, любимецъ матери,—Ѳеопистомъ.

Въ ближайшее воскресенье епископъ представилъ Евстафія и Ѳеописту собранію вѣрныхъ. Христіане рады были видѣть въ своей средѣ великодушнаго и знаменитаго полководца, извѣстнаго своими доблестями, и вознесли благодарственный гимнъ къ Богу, призвавшему его. Сосредоточенно помолившись, всѣ торжественно дали обѣтъ жить всегда для Того, кто искупилъ ихъ Своей кровью.

Такъ какъ Евстафію нужно было вскорѣ возвратиться въ деревню, то епископъ сказалъ ему:

„Въ переживаемое нами время преслѣдованія мы не можемъ ручаться ни за одинъ свой часъ и съ минуты на минуту должны ждать, что будемъ взяты и преданы на смерть. Трупы наши могутъ быть брошены на съѣденіе птицамъ небеснымъ или пепелъ развѣянъ по вѣтру. Поручаю васъ всемогущей любви Божіей и Его покровительству“.

Онъ преклонилъ колѣни и помолился со всѣмъ собраніемъ, призывая на новообращенныхъ благадать Божію и требуя, чтобы они выказали упорство въ вѣрѣ въ случаѣ преслѣдованія.

И какъ бы вдохновенный духомъ пророчества онъ обратился къ Евстафію:

„Доселѣ ты былъ счастливъ, по мнѣнію человѣковъ. Богатство, знатность, слава, добродѣтельная супруга и прекрасныя дѣти,—все вмѣстѣ, составляло участь достойную зависти, съ мірской точки зрѣнія. Однако, ты вкусишь и горькую чашу жизни; но не теряй мужества въ страданіяхъ, ибо Богъ испытываетъ тѣхъ, кого любитъ. Скорби, которыми посѣтитъ васъ Господь, суть пріуготовленіе славнаго торжества, ибо на тебѣ исполнится божественное слово: „счастливъ человѣкъ, который мужественно переноситъ испытаніе; если онъ признанъ праведнымъ, вѣнецъ жизни будетъ его воздаяніемъ“.

Прощаясь съ Евстафіемъ, Ѳеопистой ихъ спутники, добрый пастырь произнесъ только слѣдующія слова:

— Идите и миръ да будетъ съ вами.

III.

Евстафій и Ѳеописта возвратились въ свою деревню; но имъ казалось, что они переродились, и въ нихъ вселилась новая жизнь. Земля казалась имъ прекраснѣе; все, что представлялось ихъ очамъ,—солнце, сверкавшее въ капляхъ росы,

плоды, цвѣты,—было для нихъ благодѣяніемъ Небеснаго Отца. Имъ нравилось называть Бога Отцомъ; они подобны были изгнаннику, который, долго блуждая вдали родной отчизны, наконецъ обрѣлъ ее снова. Они ежедневно вмѣстѣ читали Евангеліе и въ любви Іисуса къ роду человѣческому, въ мудрости и рѣчахъ Его почерпали усладу и силу. Чтеніе св. писанія служило предметомъ благочестивыхъ размышленій. Часто Евстафій говорилъ, что тотъ, кто не знаетъ Бога и чья душа не согрѣта пламенемъ божественной любви, подобенъ рыбѣ, которую волна выбросила на песокъ, ибо любовь Божія есть источникъ истинной жизни человѣка.

Но счастье семьи было непродолжительно. Для Евстафія и Ѳеописты наступили дни испытаній. Вскорѣ хлѣвы ихъ были опустошены ужаснымъ падежомъ, свирѣпствовавшимъ въ странѣ. Лошади, быки, овцы и другія животныя падали сотнями. Среди всеобщаго смятенія одинъ только Евстафій, подобно страдальцу Іову, спокойно повторялъ: „Богъ далъ, Богъ и взялъ, благословенно Имя Его“; добродѣтельная супруга также легко примирилась съ этой потерей. Для нихъ малѣйшее прегрѣшеніе составило-бы большее горе, нежели потеря богатѣйшихъ стадъ и даже всѣхъ земныхъ сокровищъ. Но еще большее несчастье ждало ихъ. Рокъ Божій коснулся и людей, и въ одинъ прекрасный день въ домѣ Евстафія и во всѣхъ его владѣніяхъ оказалась масса больныхъ. Акакій и Антіохъ въ ужасѣ прибѣжали въ помѣщеніе господъ. „Бѣги, господинъ, вскричалъ Акакій, бѣги немедленно съ женой и дѣтьми, это чума“! „Чума“, повторила, поблѣднѣвъ, Ѳеописта! „О Боже, сжалься надъ нами! Что намъ дѣлать? Бѣжать?... Остаться“?... „Вы погибли, если останетесь; бѣгите хоть ради дѣтей своихъ“! Но Евстафій спокойно возразилъ: „Неужели-же въ минуту бѣдствія я оставлю слугъ, на которыхъ всегда смотрѣлъ, какъ на своихъ дѣтей? Останемся, Ѳеописта, чтобы не упустить прекраснаго случая дѣлать добро; наступило

время доказать, что мы истинные ученики Іисуса Христа. Мы не должны повиноваться убѣжденіямь этихъ людей, а поручить себя благости Божіей. Всемогущество Господа можетъ сохранить насъ и здѣсь, такъ-же какъ всюду можетъ насъ поразить его десница. Мы остаемся, произнесъ онъ, возвысивъ голосъ, и да исполнится воля Божія".

Нѣкоторые невольники поспѣшно бѣжали; но благочестивые супруги остались среди зачумленныхъ. Примѣру ихъ послѣдовали Антіохъ, Акакій и всѣ невольники христіане, которые не помышляли бѣжать отъ казни Господней и обѣщали господамъ служить имъ до послѣдняго издыханія.

Чума все болѣе свирѣпствовала, и вскорѣ оба воина и остальные слуги заболѣли. Дворецъ полководца превратился въ больницу, гдѣ самъ онъ и жена его съ нѣжной заботливостью ухаживали за чумными.

Евстафій взялъ на себя заботы о мущинахъ, а Ѳеописта находилась при женщинахъ. Дни и ночи проводили они среди гнойныхъ испареній, которыя исходили отъ умирающихъ и отъ разлагающихся труповъ. Число мертвецовъ все увеличивалось, и некому было ихъ погребать. Однако, Евстафій и семейство его не чувствовали никакихъ признаковъ болѣзни, и военачальникъ часто повторялъ: „кто покоится въ сѣни всемогущества Божія, не долженъ бояться ни стрѣлы, ни бича".

Наконецъ чума прекратила свое опустошеніе. Большая часть больныхъ пала жертвою ужасной гостьи, а тѣ, которые выжили, были слабы, какъ дѣти начинающіе ходитъ и на лицахъ ихъ лежала смертельная блѣдность. Евстафій и Ѳеописта поспѣшили возблагодаритъ Господа, который сохранилъ имъ жизнь и извлекъ изъ могильной сѣни Антіоха, Акакія и другихъ вѣрныхъ слугъ.

Уповая на милость Божію, они ожидали лучшихъ дней, но еще не прошли дни ихъ испытанія. Навѣжественные жи-

тели страны вмѣсто того, чтобы принять чуму какъ справедливую казнь за грѣхи и обратиться, раздражены были этимъ наказаніемъ и, соединившись, сговорились разбить и разграбить Евстафія. Чтобы скрыть свою алчность подъ маской религіознаго усердія, несчастные язычники проклинали Евстафія, называя его причиною несчастья. Они утверждали, что возмущенные его отступничествомъ боги, въ ярости наслали на нихъ эпидемію, чтобы отомстить за себя, и кричали, что Плакида принятіемъ христіанства навлекъ на нихъ эти бѣдствія, а потому долженъ получите возмездіе. Злодѣи знали, что большая часть воиновъ Евстафія погибла, а невольники бѣжали, и съ жадностью думали о богатой добычѣ, которую обѣщало разграбленіе новообращеннаго.

Собравшись большою толпой, грубые крестьяне съ яростью напали на домъ Евстафія. Золото, серебро, мебель, припасы,—все было разграблено и варварство ихъ дошло до того, что они сожигали добычу, которая не могла умѣститься на привезенныхъ ими телѣгахъ. Послѣ этого они удалились, испуская громкіе крики и призывая грозныя проклятія на стараго военоначальника, которому они оставили только жизнь. Однако онъ съ достоинствомъ перенесъ новое несчастье. „Это временныя сокровища, говорилъ онъ. Разумно перенести ихъ лишеніе—предъ Богомъ значитъ болѣе, нежели обладаніе ими. Счастливъ человѣкъ, обладающій тѣми сокровищами, которыя невозможно у него похитить“!

Между тѣмъ, положеніе ихъ было самое критическое. Приближалось время обсѣмененія земель, но у нихъ ничего не было; ни лошацей, ни плуговъ, ни работниковъ, ни сѣмянъ. Въ этой крайности Евстафій порѣшилъ просить помощи у богатыхъ своихъ сосѣдей, владѣнія которыхъ не были такъ жестоко опустошены чумой и не сдѣлались жертвами грабежа. Эти благородные и знатные Римляне были раньше всѣ его друзьями. Они часто бывало пользовались его гостепріим-

ствомъ и вмѣстѣ съ нимъ предавались удовольствіямъ охоты, но прервали съ нимъ всякую связь съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ христіанство. Евстафію это было тѣмъ болѣе прискорбно, что онъ желалъ-бы сдѣлать ихъ участниками своего блаженства; однако онъ умѣлъ обходиться безъ ихъ общества, употребляя время съ большею пользой. Но такъ какъ онъ оказалъ многимъ изъ нихъ важныя услуги во времена своего благополучія, то не сомнѣвался, что они примутъ участіе въ его крайнемъ положеніи. Но друзья, какъ это почти всегда случается, отшатнулись отъ него.

Несчастному Евстафію оставалось одно средство,—прибѣгнуть къ покровительству императора. У него въ Римѣ былъ преданный другъ, товарищъ по оружію, пользовавшійся большимъ значеніемъ при дворѣ, и онъ поспѣшилъ написать ему прося ходатайствовать въ его пользу предъ императоромъ. Но императоръ, ревностный язычникъ, отвѣчалъ: „я всегда глубоко уважалъ военачальника Плакиду, но христіанинъ Евстафій, какъ теперь его называютъ, совершенно чуждъ моей душѣ. Я скорблю, что столь достойный Римлянинъ принялъ такую презрѣнную религію, когда законы предписываютъ смерть членамъ этой секты. Оказать ему помощь и покровительство въ печальномъ нынѣшнемъ положеніи, виною котораго онъ самъ, значило бы вознаграждать неповиновеніе, а я не могу собственнымъ примѣромъ допускать нарушеніе закона. Но все-же я не забываю, что это доблестный полководецъ, оказавшій услугу отечеству и мнѣ больно было-бы видѣть на немъ суровое примѣненіе закона. А потому онъ долженъ немедленно оставить Италію и избрать отдаленное отъ ея предѣловъ мѣсто для безвѣстнаго уединенія. Но если онъ согласенъ отречься отъ новой вѣры, чего я желалъ-бы отъ всего сердца, то пусть не сомнѣвается, что найдетъ во мнѣ самаго великодушнаго и благосклоннаго покровителя“.

Прочитавъ этотъ отвѣтъ, Евстафій спокойно сказалъ Ѳеопистѣ: „Намъ нельзя далѣе оставаться въ этомъ краю, бѣжимъ въ Египетъ. Я надѣюсь, что тамъ мы найдемъ мѣсто, гдѣ посвятимъ свой покой и свободу на служеніе Богу. Сегодня-же мы уйдемъ вмѣстѣ съ дѣтьми, но только при наступленіи ночи, чтобы не подвергнуться оскорбленіямъ и истязаніямъ язычниковъ“.—Я пойду съ тобою, сказала Ѳеописта со слезами на глазахъ. Да исполнится воля Божія. И однако, какъ тяжело и горестно мнѣ оставить этотъ прекрасный край, гдѣ я родилась, гдѣ глаза мои въ первый разъ открылись для свѣта Божія, гдѣ такъ быстро протекли счастливые дни моего дѣтства и юности! Эту новую скорбь Господь посылаетъ намъ, для искупленія заблужденій прошедшихъ годовъ; пусть ангелъ—хранитель Его сопровождаетъ насъ“!

Вѣрные Антіохъ и Акакій узнали объ этомъ внезапномъ рѣшеніи съ глубокою и живой печалью. „О небо! воскликнулъ Акакій, вы хотите идти въ чуждый край одни, безъ прислужниковъ! Мы слишкомъ слабы еще, чтобы вынести путешествіе, подождите по крайней мѣрѣ до нашего выздоровленія! Тогда и мы пойдемъ за вами, хотя-бы на край свѣта!“ Антіохъ также присоединился къ этой просьбѣ.

Евстафій въ волненіи отвѣчалъ, что они не могутъ сопровождать его, но что онъ тронутъ выраженіемъ ихъ преданности. „Императоръ далъ лишъ отпускъ, сказалъ онъ, а вы связаны военной присягой и должны быть готовы присоединиться къ войску по первому зову“. Потомъ онъ отпустилъ ихъ, пожелавъ имъ мира Господня.

Оба служителя сообщили печальную новость невольникамъ полководца. Вскорѣ она распространилась по всѣмъ обширнымъ его владѣніямъ и всѣ обитатели ихъ съ женами и дѣтьми прибѣжали толпою, чтобы еще разъ увидѣть добраго господина. Многіе, ослабѣвшіе и прибитые болѣзнью,

плакали и рыдали. Евстафій кротко утѣшалъ ихъ. „Будьте тверды и непоколебимы въ религіи; имѣйте всегда вѣру, надежду и любовь, говорилъ онъ имъ, и нѣкогда мы еще встрѣтимся, если не здѣсь, то на небесахъ“.

Какъ только взошла луна и озарила блѣднымъ свѣтомъ опустошенныя поля, полководецъ сказалъ Ѳеопистѣ: „Съ помощью небесной двинемся въ путь“. Всѣ присутствовавшіе испустили горестный вопль и несчастные изгнанники пожали руку каждому изъ этихъ добрыхъ людей; оба сына Евстафія, по примѣру родителей, дружески простились съ ними. Всѣ проводили путешественниковъ до желѣзной калитки; полководецъ движеніемъ полнымъ скорби и волненія, далъ имъ знакъ остаться и не идти далѣе. Они повиновались и долго молча глядѣли вдаль, оплакивая удалявшуюся семью.

Трогательную картину представляло переселеніе этого благороднаго семейства. Одежда ихъ свидѣтельствовала объ ихъ высокомъ положеніи и минувшемъ благополучіи и находилась въ противорѣчіи съ толстыми дорожными связками, подъ тяжестью которыхъ сгибались бѣдные бѣглецы. Евстафій былъ опаясанъ блестящей шпагой полководца; на спинѣ онъ несъ большую связку съ одеждой, которая могла имъ очень пригодиться во время далекаго странствія, Ѳеописта, одѣтая какъ благородная римская дама, несла корзину, до краевъ наполненную съѣстными припасами. Они основательно боялись, что во время перехода черезъ страну, плохо расположенные къ христіанамъ жители будутъ отказывать имъ даже въ кускѣ хлѣба. Евстафій шествовалъ спокойно, поддерживая руку жены, которая плакала, мысленно переживая всѣ бѣдствія, которыя такъ внезапно поразили ихъ, одни лишь дѣти весело шли впередъ, не безъ тщеславія опираясь на свои дорожныя тросточки и съ дѣтской улыбкой говорили о радостныхъ картинахъ будущаго странствія, которыя создало ихъ воображеніе.

IV.

Евстафій, его жена и дѣти шли по мало посѣщаемымъ (малодомнымъ) дорогамъ, среди горъ и лѣсовъ, тщательно избѣгая городовъ и деревень. Послѣ долгихъ дней утомительной ходьбы они пришли наконецъ къ берегу моря. Здѣсь стоялъ на якорѣ прекрасный корабль, готовый направить парусъ въ Египетъ. Множество матросовъ и рабочихъ суетились возлѣ него: одни катили бочки, другіе съ величайшей осторожностью носили какіе-то сундуки. Капитанъ былъ великолѣпно одѣтый Мавръ, шея и уши котораго были отягчены крупнымъ жемчугомъ. Онъ медленно прогуливался по мосту, отдавая приказанія всему экипажу и наблюдая, чтобъ все было въ порядкѣ. „Не согласишься-ли ты отвезти меня въ Египетъ со всей моей семьей“ спросилъ Евстафій. „Отчего-же нѣтъ“? любезно отвѣчалъ Мавръ, съ любопытствомъ оглядывая ихъ. „Очень охотно“. „А сколько ты потребуешь за переѣздъ и пропитаніе?—„Ничтожную сумму, отвѣчалъ Мавръ, пустяки, оставимъ этотъ вопросъ теперь, мы поговоримъ когда вы высадитесь“. И вся семья взошла на корабль. Вскорѣ послѣдовалъ приказъ поднять якора; вѣтеръ раздулъ паруса, корабль наклонился, поднялся снова, и слегка покачиваясь понесся, разсѣкая волны, которыя кипѣли на кормѣ, обдавая судно бѣлоснѣжной пѣной. Веселыя дѣти изумлялись то величественному виду моря, казавшагося имъ безграничнымъ, то убѣгавшимъ предъ ихъ глазами скаламъ и деревьямъ. Но эти картины не казались радостными Өеопистѣ; она плакала, съ горькой печалью наблюдая, какъ изчезаетъ дорогая ей земля Италіи. Евстафій старался утѣшить ее: „Для чего плакать? Богъ сотворившій небо и землю, бодрствуетъ надъ нами; Владыка Міра дастъ намъ новое отечество, гдѣ мы пребудемъ до возвращенія на небесную родину“? Понемногу ея страхъ и печаль разсѣялись и она также стала изумляться

всемогуществу Божію, проявлявшемся въ чудесахъ моря, которыя были ей еще незнакомы.

Но страшная бѣда ждала ихъ въ гавани. Начальникъ корабля почувствовалъ преступную страсть къ супругѣ благороднаго Евстафія; онъ былъ пораженъ ея красотой и обольстительной прелестью съ первой минуты, какъ увидѣлъ ее и, можетъ быть, тогда-же въ глубинѣ его черной души созрѣлъ замыселъ похитить ее у мужа. По этому вмѣсто того, чтобы приплыть къ гавани, онъ бросилъ якорь на необытаемой сторонѣ, гдѣ глазъ встрѣчалъ только безплодныя скалы и горючій песокъ. „Вотъ страна, куда вы желали, я высажу васъ здѣсь, какъ только вы заплатите за проѣздъ". „Какъ, съ негодованіемъ вскричалъ Евстафій, развѣ сюда ты обѣщалъ проводить насъ"? „Я знаю страну лучше тебя, воскликнулъ капитанъ, заплати и продолжай свой путь". Онъ потребовалъ за проѣздъ сумму, въ десять разъ превыщавшую положенную, и Евстафій, возмущенный обманомъ, искренно сознался, что у него не найдется и половины этихъ денегъ. Мавръ не могъ скрыть радости, которую доставило ему это признаніе, но притворился чрезвычайно взбѣшеннымъ и разсыпался въ ругательствахъ и проклятіяхъ. „Нѣть и половины этихъ денегъ; закричалъ онъ въ притворномъ взрывѣ ярости; несчастные, не смѣлость ли предпринять подобное путешествіе безъ денегъ, разсчитывая прожить на счетъ другого. Нѣтъ! вамъ не удастся обокрасть меня; одинъ изъ васъ заплатитъ своей свободой за всѣхъ. Итакъ, заявляю тебѣ, что твоя жена моя невольница. Она останется со мною. А вы можите сойти на землю; цѣна, за которую я продамъ ее, покроетъ мои издержки".

При этихъ словахъ Θеописта поблѣднѣла отъ ужаса и отъ отвращенія; Евстафій долженъ былъ собрать всѣ силы своей души, чтобы овладѣть справедливымъ гнѣвомъ, который возбудили въ немъ такое возмутительное насиліе и на-

глый обманъ. Дѣти бросились къ ногамъ мавра; они обнимали его колѣни, обливая ихъ своими слезами и заклинали не отнимать у нихъ матери. Но онъ былъ неумолимъ и съ угрожающимъ жестомъ говорилъ Евстафію: „Оставь бортъ моего судна съ сыновьями, но жена твоя, моя невольница". Несчастная Ѳеописта бросилась къ мужу; волосы ея разметались, она крѣпко прижалась къ нему, уцѣпившись за него, какъ за послѣдній якорь спасенія. „Евстафій, кричала она, я не останусь безъ тебя... Спаси меня... О Боже, сжалься надъ нами!" Полководецъ вынулъ свой мечъ, обвилъ жену лѣвую рукою, и размахивая мечемъ воскликнулъ: „Ты имѣешь дѣло не съ трусомъ, дерзкій пиратъ! Мечъ мой защититъ мою жену и дѣтей и справедливо покараетъ морского разбойника и его экипажъ!" Нѣсколько матросовъ, скользнувъ позади полководца, схватили его, съ яростью повалили на землю и обезоружили. Хозяинъ схватилъ Ѳеописту, грубо оторвалъ ее отъ мужа, котораго она крѣпко обняла; и несчастная женщина, какъ лилія, сраженная грозой, дала себя увести; она казалась безжизненной и упала-бы, если-бъ варваръ не поддержалъ ее. Дѣти, видя отца поваленнаго нѣсколькими матросами и думая, что мать умерла, испускали такіе жалобные вопли, что и тигры этой пустыни были бы тронуты. Но эта варварская шайка не знала жалости, по приказу господина, матросы вытащили несчастнаго на берегъ, снесли ему сыновей и, взойдя на бортъ, весело продолжали путешествіе.

V.

Когда исчезъ корабль уносившій Ѳеописту, единственное сокровище Евстафія и дѣтей его на землѣ, несчастный отецъ скрылся подъ сводами пещеры, чтобы провести здѣсь ночь. Дѣти усѣлись подлѣ него и утомленные всѣми ужасами этого дня, вскорѣ уснули глубокимъ сномъ.

Наступила полночь. Внезапно поднялся ужасный вѣтеръ, возмутившій воды морскія до глубины ихъ пропасти; рокочущія волны съ шумомъ ударялись о скалы и брызгами разлетались вдали, разбиваясь о неподвижныя громады. Ночныя птицы парили надъ утесомъ, ища добычи, и сиплые крики ихъ смѣшивались съ громкимъ шумомъ и безпрерывнымъ звукомъ прибоя разбивающихся волнъ. Евстафій слышалъ вдали глухое рычаніе львовъ, а вблизи него громадная змѣя поползла къ морю, но страхъ не смутилъ его сердца. „Тотъ, кто вѣритъ въ Тебя, о Господь, восклицалъ онъ, не боится пасти грознаго льва и спокойно проходитъ мимо змѣй и ехиднъ. Какъ эти дѣти, которые мирно спятъ возлѣ своего отца не видя опасности, такъ и я безстрашно стою здѣсь, довѣрясь твоей власти". Благодаря этой твердой вѣрѣ въ покровительство Божіе, несчастный не чувствовалъ ужаса въ эту страшную ночь и провелъ ее спокойно, хотя не могъ уснуть.

Наконецъ, возсіялъ день. Солнечный зной разбудилъ дѣтей. Увидя одного отца, они стали съ плачемъ звать Ѳеописту. Отецъ старался утѣшить ихъ, но сердце его разбивалось при видѣ малютокъ, такъ рано лишенныхъ материнской ласки". Бѣдные дѣти! думалъ онъ, какъ много вы потеряли! О Боже, дай мнѣ силы замѣнить имъ эту лучшую изъ матерей!"

Но горе дѣтей было непродолжительно. Черезъ минуту они потребовали завтракъ. Евстафій обвелъ мѣстность взоромъ, но не увидѣлъ на ней ни одного плодового дерева, на ней не было и кустика ягодъ. Чтобы лучше осмотрѣть окрестность, онъ взошелъ на поверхность утеса и предъ нимъ развернулась пустынная и безплодная страна. Нигдѣ не замѣтно было и признака хижины; нигдѣ не представлялось взору воздѣланное поле. Однако, ему показалось, что онъ видитъ вдали зелень и деревья, которыя росли на берегу рѣки. „Пойдемъ туда, сказалъ онъ дѣтямъ, это оби-

таемый край. Египетъ лежитъ съ этой стороны и можетъ быть мы найдемъ здѣсь вашу мать. Онъ направился въ эту сторону, ведя за руки дѣтей, которыя съ трудомъ двигались по песку. Они шли, имѣя по правую сторону цѣпь скалистыхъ скалъ и утесовъ, а по лѣвую безбрежное море. Солнце все выше подымалось на горизонтѣ и зной становился сильнѣе. Песокъ и скалы раскалились и отражали солнечные лучи съ такой силой, что ослѣпляли глаза. Бѣдные дѣти умирали отъ жажды: „Отецъ, произнесъ Агапій, поведи насъ къ морю, дай намъ пить, тамъ много воды". „Дорогія дѣти, эта вода не годится для питья, она усилитъ вашу жажду и вы заболѣете отъ нея". „А! сказалъ Ѳеопистъ, какъ ужасно видѣть предъ собою такъ много воды и умирать отъ жажды!" Дѣти не могли болѣе ходить, и отецъ носилъ ихъ на рукахъ поперемѣнно, а иногда и обоихъ вмѣстѣ. Онъ самъ былъ изнуренъ и еле держался на ногахъ.

Наконецъ, около полудня, когда зной сталъ невыносимымъ, они достигли нѣсколькихъ деревьевъ и услышали близко шумъ водопада. Дѣти тотчасъ легли на устланную дерномъ землю въ тѣни ближайшаго дерева.

Когда бѣдные мальчики немного освѣжились и отдохнули, они снова стали жаловаться на голодъ и жажду. Евстафій тоже почувствовалъ, что сухой языкъ его прилипаетъ къ нёбу. Онъ поднялся и пошелъ къ рѣкѣ, чтобы зачерпнуть воды въ свой шлемъ.

Въ минуту, когда онъ приближался къ берегу, мимо него пролетѣла большая птица. Евстафій отыскалъ мѣсто, откуда она вылетѣла и открылъ въ тростникѣ гнѣздо, наполненное большими свѣжими яйцами, годными въ пищу. Онъ завернулъ ихъ въ свой плащъ, зачерпнулъ въ шлемъ свѣжей воды и, утоливъ жажду, наполнилъ его снова до краевъ и возвратился къ дѣтямъ. Положивъ на траву яйца и поставивъ воду, отъ радости воскликнулъ: „Взгляните, дѣти, съ

какой добротой Господь снабдилъ нашъ столъ въ пустынѣ; безъ этихъ яицъ и воды мы должны были умереть отъ голода; вознесемъ же къ нему сердца наши, передъ тѣмъ, какъ воспользоваться его дарами“.

Дѣти, встали, сложили ручонки и помолились съ жаромъ, котораго никогда не бываетъ у тѣхъ, кто готовится сѣсть за богато сервированный столъ. Евстафій далъ имъ напиться изъ шлема, потомъ разбилъ яйца для нихъ раковиной, взятой на берегу и когда они насытились, съѣлъ остальное. Мальчики нашли эти дикія яйца вкусными, а воду восхитительной и признавались, что никогда въ жизни не ѣли ничего вкуснѣе этихъ блюдъ. Послѣ этого убогаго обѣда они сосредоточено помолились.

„Теперь, сказалъ Евстафій, ложитесь въ тѣни и усните, и я изслѣдую рѣку и поищу брода. Мы должны перейти черезъ нее, чтобы не умереть голодной смертью и найти Египетъ“.

Онъ отломалъ толстую вѣтвь съ дерева и, сдѣлавъ изъ нея, какъ могъ палку, которая должна была служить ему орудіемъ защиты, ушелъ. Рѣка съ яростью бѣжала среди скалъ, осѣненныхъ густымъ лѣсомъ. Теченіе было очень быстрое; въ серединѣ русло становилось глубже и было усѣяно скользкими гладкими камнями, по которымъ шагу нельзя было ступить не пошатнувшись. Лѣсная чаща была непроходима, а скалы слишкомъ обрывисты и безполезно было искать другого пути, какъ только черезъ рѣку. Евстафій разбудилъ мальчиковъ и сказалъ имъ, что съ помощью Божіей постарается перенести ихъ на противоположный берегъ; но въ виду трудности перехода, онъ перенесетъ ихъ поочередно. Когда они прибыли къ мѣсту, которое онъ нашелъ наименѣе опаснымъ, онъ приказалъ Агапію усѣсться въ тѣни большого тростника, росшаго на берегу воды. Одной рукой онъ поднялъ Ѳеописта, а другой оперся на палку не для того, чтобы поддержаться,

а скорѣе, чтобы измѣрить глубину рѣки. Онъ подвигался съ невѣроятными усиліями, и добравшись до середины принужденъ былъ собрать всѣ свои силы, чтобы бороться съ быстротой теченія, которое ежеминутно грозило поглотить его; рѣка была ему по грудь. Однако, ему удалось счастливо перенести драгоцѣнную ношу на другую сторону. Евстафій поблагодарилъ Бога за первый успѣхъ, обтеръ потъ, струившійся по его челу и, отдохнувъ немного, усадилъ Ѳеописта, чтобы пойти за вторымъ сыномъ. Самоотверженный отецъ снова вошелъ въ воду. Онъ былъ уже на серединѣ потока, когда внезапно услышалъ крикъ Агапія, за которымъ шелъ: „Отецъ, на помощь! На помощь! вотъ хищный звѣрь, который хочетъ меня пожрать!“

Огромный левъ былъ уже возлѣ ребенка. Евстафій хотѣлъ побѣжать, и разбивалъ воду палкой; но не въ силахъ былъ ничего сдѣлать и только громовымъ голосомъ устрашалъ звѣря, который схватилъ бѣднаго мальчика бившагося въ его пасти, и быстро унесъ его въ лѣсъ. Какое ужасное мученіе для отца! Разсѣкая воду со всей силой своего отчаянія, достигъ онъ берега и испуская громкіе вопли побѣжалъ въ догонку за львомъ, но скоро потерялъ его изъ виду и сталъ искать слѣдъ звѣря, чтобы открыть его убѣжище. Но сплетшіяся вѣтви дикаго кустарника, терны и колючки, устилавшія землю, дѣлали невозможнымъ доступъ въ лѣсъ. Несчастный вынужденъ былъ остановиться. Онъ шатался отъ усталости, ноги его были въ крови, сердце сильно билось въ груди, страхъ и скорбь помутили его разумъ; онъ съ выраженіемъ упрека устремилъ очи на небо. Но вскорѣ взоръ его смягчился, какъ будто успокоительныя мысли укрѣпили его умъ.

Ѳеопистъ замѣтивъ, что дикій звѣрь унесъ брата, сталъ жалобно плакать, когда же деревья и кустарники скрыли и отца, онъ сильно закричалъ отъ страха. Евстафій, пораженный

ный горемъ медленно шелъ вдоль рѣки. Издали онъ громко просилъ сына успокоиться и умолкнуть, говоря, что сейчасъ перейдетъ ручей. Но, о ужасное зрѣлище! Едва отецъ подошелъ къ рѣкѣ, какъ увидѣлъ волка, привлеченнаго криками, который мчался прямо на мальчика. Тщетно отецъ грозилъ звѣрю палкой; онъ настигъ уже свою жертву, схватилъ ее зубами и быстро исчезъ въ чащѣ лѣса. Какія невыразимыя страданія, испытало разрывавшееся на части сердце отца! Этотъ мужественный воинъ, безъ волненія встрѣчавшій на полѣ битвы вражеское оружіе, которое искало его жизнь, чувствовалъ что сердце его сжимается и члены холодѣютъ.

Тѣмъ не менѣе онъ бросился въ рѣку, летя на помощь сыну, но волкъ добѣжалъ до лѣса гораздо раньше, чѣмъ несчастный Евстафій, утомленный зноемъ и переходомъ черезъ рѣку, разбитый горемъ и ужасомъ, могъ переплысть черезъ ручей.

Бѣдный отецъ упалъ на берегъ; сокрушающія несчастья такъ быстро послѣдовавшія одно за другимъ, подломили его силы и умъ. Наконецъ ужасное головокруженіе прекратилось, онъ пришелъ въ себя, живо представилъ себѣ ужасъ своего положенія и излилъ свою скорбь въ слѣдующихъ словахъ: „Кончено все, исчезла моя послѣдняя надежда! погибла опора моей старости! Потерять въ нѣсколько дней отечество, друзей, жену и сыновей? Остаться одинокимъ, какъ стволъ лишенный своихъ вѣтвей! Патріархъ Іаковъ испыталъ мои горькія страданія, но ему оставался его дорогой Веніаминъ, когда нѣжная Рашель умерла отъ скорби, узнавъ, что ея любимаго сына Іосифа разорвалъ дикій звѣрь. Но у меня не осталось утѣшенія и услады въ ужасныхъ несчастьяхъ“.

Онъ долгое время пребывалъ въ молчаніи. „Если бы не имѣлъ я несравненнаго счастья знать Божественнаго Искупителя, если бы онъ не преподалъ намъ безграничнаго терпѣнія въ страданіяхъ, то скоро я избавился бы отъ горя..

Мечъ или скорѣе этотъ кипучій потокъ положилъ бы конецъ жизни храбраго римлянина... Но возвышенное ученіе Христа запрещаетъ намъ отталкивать отъ устъ чашу горечи, которую предлагаетъ намъ Небесный Отецъ. Христіанинъ долженъ въ скорбяхъ повторять съ Іисусомъ: Да будетъ Твоя воля, Господи". И вѣнецъ небесной жизни ожидаетъ тѣхъ, которые страдаютъ, предавъ себя волѣ Божіей".

Онъ на минуту успокоился; но какъ-бы въ доказательство того, что всякій новокрещенный долженъ быть испытанъ и очищенъ не тѣлесными страданіями, а душевными муками, онъ разразился упреками противъ самаго себя, приписывая себѣ всѣ несчастья; онъ упрекалъ себя, что такъ неосторожно отдалъ жену въ руки пирата и оставилъ дѣтей дикимъ звѣрямъ; и въ безумномъ бреду ему казалось, что солнце обагрено кровью его дѣтей.

„Нѣтъ, возразилъ онъ вдругъ, я не предалъ ихъ, не былъ неостороженъ. О, Боже милосердный, мое единое убѣжище, прости мое раскаяніе; ты проникаешь сердце, ты видишь, что я невиновенъ, но, Боже Всесильный, это было по твоей волѣ и пусть будетъ такъ".

Горькіе упреки долго еще возбуждали его печаль; но убѣдившись въ ихъ безполезности онъ рѣшилъ отдаться Богу и думать исключительно о своемъ спасеніи. Онъ преклонилъ колѣни, сложилъ руки, возвелъ взоръ къ небесамъ, прося Бога ниспослать ему небесное утѣшеніе и облегчить его страданія. Богъ услышалъ его жаркую молитву и вскорѣ онъ получилъ нѣкоторое утѣшеніе. Сладкій сонъ укрѣпилъ его силы тѣлесныя, а самые радостные сны возвратили ему спокойствіе души. Онъ видѣлъ себя во снѣ въ темномъ лѣсу; солнечный лучъ освѣщалъ густой сумракъ чащи и Агапій спокойно сидѣлъ на усыпанной прекрасными цвѣтами лужайкѣ; онъ былъ полонъ жизни и весело смѣялся. Громадный левъ въ страхѣ бѣжалъ прочь. Евстафій еще болѣе углубился въ

лѣсъ; другой свѣтлый лучъ озарилъ его и глаза его увидѣли его дорогого Ѳеописта, который указывалъ ему на мертваго волка, вознося къ небу благодарные взоры. Подъ сладкимъ впечатлѣніемъ этихъ сновъ Евстафій проснулся; но сонъ снова смежилъ его очи и онъ увидѣлъ еще разъ своихъ сыновей: это были уже прекрасные юноши, одѣтые, какъ римскіе воины и вѣтки зеленыхъ лавровъ оттѣняли ихъ блестящіе шлемы. Онъ увидѣлъ и свою супругу; глаза ея блистѣли небеснымъ восхищеніемъ; она весело шла къ нему на встрѣчу, опираясь на сыновей. И въ этотъ моментъ нездѣшняя радость переполнила его отцовское сердце.

Три вида толкованій Евангелія, несогласиыхъ съ ученіемъ Православной Церкви.

Много-много вѣковъ на Руси относились къ св. Евангелію съ должнымъ благоговѣніемъ, какъ къ святынѣ, глубоко и искренно вѣруя въ непогрѣшимый авторитетъ Св. Церкви, вѣрной хранительницы и истинной толковательницы Божественнаго Откровенія. И Св. Церковъ сохранила въ неприкосновенной цѣлости подлинный текстъ Евангелія. Но съ тѣхъ поръ, какъ на Русь стали проникать вліянія Запада, направленныя къ подрыву авторитета Св. Церкви, со стороны многихъ и у насъ измѣнились истинныя отношенія къ Евангелію въ отрицательно-критическія. Протестантскіе богословы Запада въ толкованіи Библіи давно оставили общій путь преданія и стали руководиться въ своихъ изслѣдованіяхъ только собственнымъ разумомъ. Въ примѣненіи къ Евангелію этотъ раціонализмъ въ 1-й половинѣ XIX вѣка привелъ протестантскихъ богослововъ либеральнаго направленія къ ужасающимъ выводамъ. Въ ихъ поистинѣ безбожныхъ произведеніяхъ, какъ напр. въ «Жизни Іисуса» Штрауса или Ренана, Евангеліе

искажено до неузнаваемости. „Христосъ у нихъ снова преслѣдуется, какъ нѣкогда книжниками и фарисеями, за то, что называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, и равнялъ Себя съ Богомъ. Невинный Страдалецъ снова заушенъ и снова оплеванъ; Христіанство оказалось дѣломъ какого-то недоразумѣнія, а исторія христіанской церкви-исторіею интригъ, ошибокъ и заблужденій". [1]) Грусть навѣваетъ подобное явленіе въ христіанскомъ мірѣ, но еще грустнѣе становится, когда знаешь, что нѣчто подобное происходитъ не въ Западной Европѣ только, но и у насъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ текущаго столѣтія въ русскомъ обществѣ и даже среди учащихся стало ходить по рукамъ „краткое изложеніе Евангелія" или,-какъ оно названо было въ первоначальной редакціи,—„новое Евангеліе". Духовная литература своевременно обратила вниманіе на это Евангеліе. Евангельское содержаніе, какъ оно представлено здѣсь въ „новомъ Евангеліи" дѣйствительно является совершенно новымъ сравнительно съ тѣмъ, какое доселѣ зналъ весь христіанскій міръ. Будучи сводомъ всѣхъ Евангельскихъ текстовъ „новое Евангеліе" далеко не исчерпываетъ всего ихъ содержанія. Опущенъ въ этомъ Евангеліи почти вовсе повѣствовательный элементъ православнаго четвероевангелія, и представлена не исторія, живо, наглядно и объективно изложенная, а ученіе отвлеченное, во многомъ противорѣчущее ученію Православной Церкви. Но этого мало. Вмѣсто извѣстныхъ изреченій Спасителя, съ дѣтства и навсегда усвоенныхъ нами, мы читаемъ здѣсь изреченія совершенно новыя, незнакомыя и никогда еще неслыханныя нами и стоящія внѣ всякой связи съ тѣмъ, что входитъ въ составъ св. благовѣствованія. Такъ „новое Евангеліе" начинается словами: „Въ основу и начало всего стало разумѣніе жизни. Разумѣніе стало вмѣсто Бога.

[1]) Свящ. Т. Буткевичъ.—„Жизнь Господа нашего І. Христа", 2 изд. 1887 г. стр. 2.

Разумѣніе жизни есть Богъ. Оно-то, по возвѣщенію Іисуса, стало основой и началомъ всего вмѣсто Бога. Все, что живетъ, родилось къ жизни чрезъ разумѣніе. И безъ него не можетъ быть ничто живое... И разумѣніе жизни проявило себя во плоти, въ лицѣ Іисуса Христа, и мы поняли смыслъ его тотъ, что сынъ разумѣнія—человѣкъ во плоти—однороденъ отцу—началу жизни, такой-же, какъ и отецъ-начало жизни". Такъ переданы въ „новомъ Евангеліи" всѣмъ столь извѣстныя слова; „Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ. Оно было въ началѣ у Бога. Все произошло чрезъ Него, и безъ Него не начало быть ничто, что произошло. И Слово стало плотію, и обитало съ нами, полное благодати и истины; и мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца" (Еванг. отъ Іоан. 1 гл. 1-3. 14 ст.). Ясно, что между этимъ текстомъ и тѣмъ новымъ изложеніемъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Матѳ. 22 гл. 41—45 ст. въ „новомъ Евангеліи" изложены такимъ образомъ: „Іисусъ сказалъ фарисеямъ: по вашему, что такое Христосъ? Что Онъ—сынъ чей нибудь? они сказали: по нашему Христосъ сынъ Давидовъ. Тогда онъ сказалъ имъ: какъ же Давидъ называетъ Христа своимъ Господомъ: Христосъ не сынъ Давида, и ни чей сынъ, а Христосъ—это тотъ же самый Господь, Владыка нашъ, котораго мы знаемъ въ себѣ, какъ жизнь нашу. Христосъ—это то разумѣніе, которое есть въ насъ". Вотъ какой образъ Христа начертываетъ въ своемъ „новомъ Евангеліи" нашъ русскій раціоналистъ-богословъ. Іисусъ, по его Евангелію, совсѣмъ не тотъ Господь Іисусъ Христосъ, Спаситель міра, Котораго мы знаемъ по Евангеліямъ дѣйствительнымъ. Этотъ Іисусъ, оказывается, такой же какъ и другіе,—человѣкъ, котораго по ошибкѣ считали сыномъ Іосифа, но который имѣлъ другого плотского, но неизвѣстнаго отца. Не зная своего плотского отца, Іисусъ своимъ отцомъ признавалъ Бога. Подъ вліяніемъ проповѣди Іоанна Крестителя,

онъ удалился въ пустыню съ тѣмъ, чтобы понять смыслъ жизни человѣка и его отношеніе къ безконечному началу всего, называемому Богомъ. Онъ понялъ это и убѣдился, что жизнь человѣка въ духѣ отца. Руководимый этимъ убѣжденіемъ онъ выступилъ на проповѣдь, главная мысль которой та, что внѣшняго Бога нѣтъ, а есть владыка жизни—разумѣніе, открывающееся въ каждомъ человѣкѣ. Сущность проповѣди, выраженная въ нагорной бесѣдѣ, сводится къ пяти слѣдующимъ заповѣдямъ: 1) не обижать никого и дѣлать такъ, чтобы ни въ комъ не возбудить ропота; 2) не любезничать съ женщинами и не оставлять той жены, съ какою сошелся; 3) ни въ чемъ никому не клясться; 4) не противиться злу, не судить и не судиться, и 5) не воевать и не дѣлать различія между своимъ отечествомъ и чужимъ. Эти только предметы Іисусъ „новаго Евангелія" и раскрываетъ, къ нимъ постоянно и возвращается, чѣмъ и исчерпывается все Его общественное служеніе. [1]) Ясно съ очевидностью каждому, что въ этомъ произведеніи русскаго раціоналиста, богословствующаго въ наше время на манеръ протестантскихъ богослововъ либеральнаго направленія, заключается ересь, подобная древнему аріанству, стремящаяся къ ниспроверженію вѣковыхъ устоевъ вѣры и ученія Православія. Но Православная Церковь неодолима!.... И мы не говорили бы объ этомъ печальномъ явленіи, начавшемся за два десятка лѣтъ предъ симъ, еслибы составитель „новаго Евангелія", всѣмъ извѣстный талантливый литераторъ нашъ,—всенародно отрекся отъ своего измышленія. Но онъ и теперь еще, будучи на склонѣ лѣтъ недалекъ отъ могилы,—не другъ Церкви Православной и дѣйствуетъ, какъ говорится, въ руку всѣмъ отщепенцамъ Церкви—сектантамъ.

---

[1]) Свящ. Н. Елеонскій—«О новомъ Евангеліи» гр. Толстого. Чтенія въ Общ. любит. духовн. просвѣщ. 1887 г. янв. А Дружининъ—„Противъ главныхъ лжеученій гр. Толстого". Подол. Епарх. Вѣдом. 1890 г.

Глубоко прискорбно всякое отрицательно—критическое отношеніе къ Св. Евангелію. Это направленіе не наше родное, не ведетъ и никогда не приведетъ къ вѣчной истинѣ, не даетъ и не дастъ никому спасенія ни во времени, ни въ вѣчности...

Мы упомянули о сектантахъ. Скажемъ нѣсколько словъ о толкованіи Евангелія сектантами,—что входитъ въ нашу рѣчь, какъ второй видъ толкованія Евангелія, несогласный съ ученіемъ Православной Церкви.

Бывшіе на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ нашего Общества сами слышали и могли убѣдиться, какъ наши сектанты извращаютъ Евангеліе, толкуя его вкривь и вкось своимъ малымъ умомъ. Они читаютъ текстъ Евангелія подлиннаго. Но среди нихъ въ ходу экземпляры Евангелія на русскомъ языкѣ съ необходимыми имъ выраженіями, подчеркнутыми или очеркнутыми цвѣтнымъ черниломъ. Распространены между нашими сектантами экземпляры „Новаго Завѣта“ въ русск. переводѣ, изданнаго въ Лондонѣ. Текстъ Лондонскаго изданія Новаго Завѣта обставленъ многими ссылками на слова одинаковыя, на выраженія сходныя, на мысли подобныя. Такое обиліе параллели не случайно, и сдѣлано это не механически. При тщательномъ изученіи параллельныхъ мѣстъ Лондонскаго изданія оказывается, что издатель имѣлъ въ виду научить читателя понимать Евангельскій текстъ путемъ снесенія и сличенія одинаковыхъ словъ и выраженій. Но всякій разъ, какъ такимъ путемъ думаешь изъяснить какое-либо мѣсто Евангелія, непремѣнно откроешь смыслъ въ немъ иной, чѣмъ какой въ немъ долженъ быть по святоотеческому толкованію. А это уже даетъ намъ полное право заключать, что Лондонское изданіе Новаго Завѣта спеціально сектантское, предназначенное для доказательства отрицательныхъ отношеній къ Православной Церкви.

Въ большинствѣ нашихъ сектъ положительное ученіе о вѣрѣ слабо развито, но много разнообразныхъ отрицаній Пра-

вославнаго ученія. Чтобы оправдать эти отрицанія, наши сектанты выбираютъ отдѣльныя изреченія изъ Евангельскаго текста, а иногда и просто выхватываютъ нѣсколько словъ изъ Евангельскаго изреченія безъ связи съ предшествующими мыслями и послѣдующими. Конечно, такимъ образомъ изъ Евангелія можно выкроить любое ученіе. Человѣка неграмотнаго или малограмотнаго, нахватавшагося отдѣльныхъ словъ и выраженій изъ Евангелія, которыя при этомъ знаетъ онъ наизусть, попробуйте-ка переубѣдить!.. А еще труднѣе убѣдить его, когда онъ слышитъ изъясненіе Евангелія не на основаніи тѣхъ текстовъ, ссылками на которые обставлено указанное Лондонское изданіе Новаго Завѣта. Слова миссіонера для него въ этомъ случаѣ—„мѣдь звенящая" (1 Кор. 13), а не вразумленіе, хотя миссіонеръ и говоритъ, а сектантъ слышитъ Славо Божіе. Грубое несмягченное полнымъ образованіемъ и воспитаніемъ, простонародное упрямство—вотъ та почва, на которой выросло и развилось сектантское толкованіе Евангелія...

Съ глубокимъ прискорбіемъ мы отмѣчаемъ третій видъ ложнаго толкованія Евангелія, какой нашелъ себѣ мѣсто въ беллетристикѣ. Этотъ родъ литературы болѣе общедоступенъ, и замѣченное здѣсь ложное толкованіе Евангелія получаетъ бóльшую распространенность. Это не открытіе, а общеизвѣстный фактъ, что подавляющее большинство читающей публики отдалось и зачитывается беллетристикой. Писатели новаторы, желая заинтересовать массу, задумали передѣлать Евангельское Откровеніе въ беллетристическія формы. Что изъ этого выходитъ, показываютъ три переводныхъ произведенія: историческій романъ Л. Уоллеса—„Во время оно",—разсказъ Г. Сенкевича—„Пойдемъ за Нимъ" (Русск. Мысл. 1893 г. 1 кн.) и—повѣсть—„Царь изъ дома Давида" (изд. Суворина, 1895 г.)

Въ этихъ произведеніяхъ читатели прочитали событія изъ Евангельской исторіи или дѣйствительныя, какія есть въ

каноническихъ Евангеліяхъ, но въ другомъ освѣщеніи, или же искаженныя, или, наконецъ, измышленныя авторами. Насъ—лично поразила неумѣстность Евангельскаго разсказа въ романѣ, наше христіанское чувство благоговѣнія предъ святыней Евангелія было возмущено нездержанностію фантазіи авторовъ и ихъ святотатствомъ. Что такія чувства имѣютъ довлѣющія основанія—скажемъ подробнѣе о трехъ названныхъ произведеніяхъ свѣтской литературы.

Уже самое названіе романа—„Во время оно"—есть похищеніе Евангельскихъ словъ переводчикомъ; самъ авторъ благоразумнѣе, давая названіе своему роману Бенъ—Гуръ, по имени героя. Содержаніе романа—полная приключеній сказочнаго характера жизни Бенъ—Гура (Іуды). Бенъ—Гуръ встрѣчался съ Іисусомъ Христомъ. Такъ описывается въ романѣ первая встрѣча его съ Іисусомъ. „У колодца (въ Назаретѣ) Іуда, конвоируемый отрядомъ упалъ на пыльную дорогу... Вдругъ несчастный Іуда почувствовалъ легкое прикосновеніе руки къ его плечу и, поднявъ глаза, увидѣлъ лицо, которое онъ никогда не могъ забыть съ тѣхъ поръ: лицо юноши почти однихъ съ нимъ лѣтъ, осѣненное свѣтлокоричневыми, золотистыми кудрями и озаренное парой темноголубыхъ глазъ, въ которыхъ было столько мягкости, призыва, любви и божественной чистоты, что никакая сила не могла сравняться съ силой ихъ обаятельнаго выраженія. Сердце молодого еврея, ожесточенное безконечными страданіями, и закоснѣвшее въ ненависти ко всему міру, словно отаяло подъ этимъ взглядомъ и наполнилось дѣтскимъ довѣріемъ. Онъ приложилъ свои губы къ кувшину, поданному отрокомъ и сталъ пить долгими, глубокими глотками. Ни единаго слова не было произнесено между нимъ и неизвѣстнымъ юношей. Когда Іуда окончилъ пить, рука, лежавшая на его плечѣ, перешла на голову и осталась на пыльныхъ волосахъ столько времени, сколько нужно для благословенія. Послѣ этого незнакомецъ взялъ то-

поръ и вернулся къ рабби Іосифу". (стр. 51). Ничего подобнаго этой нѣмой сценѣ нѣтъ въ Евангеліи. Она могла-бы найтись въ какомъ-либо апокрифическомъ Евангеліи, составленномъ съ цѣлію восполнить свѣдѣнія (даже выдумавши ихъ) о дѣтствѣ и отрочествѣ Іисуса Христа. Но истинное величіе отрока Іисуса въ томъ именно и состоитъ, что Онъ и тогда былъ во всемъ подобенъ намъ, кромѣ грѣха. Есть въ романѣ „во время оно" описаніе и другой встрѣчи съ Іисусомъ Христомъ—матери и сестры Бенъ—Гура, выпущенныхъ прокаженными изъ тюрьмы. „Несчастныя женщины, услышавъ о Чудотворцѣ—Іисусѣ, однажды вышли къ Нему,—впились глазами въ лицо Его,—въ это кроткое лицо необычайной красоты, въ эти мягкія глаза, полныя глубокаго состраданія. О, Господинъ! Господинъ! воскликнула мать. Ты можешь исцѣлить насъ! Будь милосердъ къ намъ, будь милосердъ! Вѣришь ли ты, что Я могу сдѣлатъ это? спросилъ Онъ. Ты Тотъ, о Которомъ говорятъ пророки, отвѣчала она. Въ глазахъ Учителя блеснулъ свѣтъ, и Онъ тихо сказалъ: „велика вѣра твоя, женщина! да будетъ же то, о чемъ ты просишь!" Въ прокаженныхъ тотчасъ же начался процессъ чудеснаго исцѣленія." (стр. 434—435.) Опять поддѣлка и измышленіе! Этого чуда въ Евангеліи нѣтъ, но оно имѣетъ отдаленное сходство съ евангельскимъ разсказомъ объ исцѣленіи Іисусомъ Христомъ дочери жены хананейской. Самъ собою напрашивается вопросъ: кто этотъ современникъ Христа—Бенъ—Гуръ? Въ главѣ романа „предатель" мы читаемъ: „Взятый въ саду Геѳиманскомъ Назареянинъ, со связанными за спиной руками, шелъ мадленно, опустивъ голову на грудь; волосы густо спадали на Его лицо, и станъ Его гнулся болѣе обыкновеннаго. Онъ шелъ задумавшись и, казалось, не замѣчалъ того, что вокругъ Него происходило. Впереди Него, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, шли первосвященники и старѣйшины, которые оборачивались на Него отъ времени до времени. Когда приблизилась толпа къ мосту ущелья,

Бенъ—Гуръ взялъ веревку изъ рукъ державшаго ее слуги и, опередивъ его, пошелъ слѣдомъ за Узникомъ. „Учитель! Учитель!" торопливо шепнулъ онъ Ему на ухо,—„слышишь ли Ты меня? скажи слово, только одно скажи мнѣ... Человѣкъ, отъ котораго онъ взялъ веревку, потребовалъ ее назадъ. „Скажи мнѣ, продолжалъ Бенъ—Гуръ, по доброй ли волѣ Ты идешь съ ними?" Толпа стала тѣсниться къ Бенъ—Гуру, грозно спрашивая: „кто Ты?" „Я другъ Твой, Учитель, я люблю Тебя... Скажи, умоляю Тебя, примешь Ты помощь, если я приведу ее? „Назареянинъ не поднималъ глазъ и не подавалъ вида, что Онъ слышитъ; и однако въ Немъ было что-то, что говорило безъ словъ: оставь Меня!" Волей-неволей Бенъ—Гуру пришлось это сдѣлать. Десятки рукъ ухватились за него и со всѣхъ сторонъ раздались крики: „Держи его"! Это одинъ изъ нихъ! Тащи его! бей его! смерть ему"! Бенъ-Гуръ въ изступленіи отчаянія, удесятерившемъ его нилы, выпрямился, перевернулся на одномъ мѣстѣ съ вытянуты впередъ руками, и, отбросивъ накинувшихся на него людей, вырвался и бросился бѣжать по дорогѣ. Одежда его, изорванная въ клочки, была сорвана съ него, и онъ бѣжалъ нагой. Темное ущелье приняло его въ свои нѣдра и скрыло отъ глазъ преслѣдователей (стр. 469—470). Въ 14 гл. Евангелія отъ Марка есть такое замѣчаніе: „одинъ юноша, завернувшись по нагому тѣлу въ покрывало, слѣдовалъ за Нимъ (т. е. за Іисусомъ Христомъ, по взятіи Его въ Геѳсиманскомъ саду); и воины схватили его. Но онъ, оставивъ покрывало, нагой убѣжалъ отъ нихъ" (51 и 25 стр.). Очевидно, разсказъ о Бенъ-Гурѣ,—распространенная передѣлка этого краткаго замѣчанія Евангелиста Марка. Древнее церковное преданіе въ юношѣ Евангельскомъ, о которомъ только что приведено замѣчаніе, имѣющееся у одного Евангелиста Марка, признаетъ именно этого святого Евангелиста. Но кто узнаетъ Апостола Марка въ образѣ Беръ-Гура,

дѣйствующаго въ данномъ случаѣ по внушенію сатаны, усиливающагося недопустить искупительной для всего рода человѣческаго смерти Богочеловѣка?... Да автору романа „во время оно“ и не нужна была дѣйствительность: ему нужны картины и описанія ихъ; и онъ для вящшаго эффекта или, по пословицѣ, для краснаго словца не щадилъ ничего святого и божественнаго,—не научно и, не благоговѣйно отнесся къ лицамъ и событіямъ Евангельской исторіи, допустивши поддѣлку пвдъ Евангеліе и сочинительство Евангельскихъ событій... Великій грѣхъ!... Такое же осужденіе справедливость требуетъ сказать автору и переводчику разсказа—„Пойдемъ за Нимъ“! Чтобы извлечить нервно-больную героиню разсказа—Антею Генр. Сенкевичъ въ своемъ разсказѣ собственными руками снова распинаетъ нашего Христа Спасителя, въ присутствіи всѣхъ дѣйствующихъ въ его разсказѣ лицъ. Такъ это происходитъ. Въ назначенный Г. Синкевичемъ день для крестной смерти Христа, Антея на носилкахъ была принесена на Голгоѳу. Она видѣла „скорбный путь“ Христа на Голгоѳу. „Назарей былъ блѣденъ и подвигался впередъ медленно невѣрными ослабѣвшими шагами. Онъ шелъ среди издѣвательствъ толпы, какъ будто погруженный въ задумчивость, заходящую за предѣлы видимаго міра, словно уже оторванный отъ земли, не слыша криковъ ненависти, со всепрощеніемъ, переходящимъ мѣру человѣческаго прощенія,—съ состраданіемъ, превышающимъ мѣру человѣческаго страданія, уже облеченный безконечностью (?), возвышенный надъ уровнемъ земногв зла, кроткій и скорбящій великою скорбью всего міра“ (стр. 199). „На Голгофѣ осужденнаго повергли навзничь на землю, чтобы прибить Его руки къ поперечинѣ креста а потомъ, вмѣстѣ съ нею, поднять на главный столбъ. Солдаты, приставивъ гвозди къ рукамъ Назарея, начали ударять по нимъ молотками. Послышался тупой стукъ желѣза о желѣзо, который смѣнялся болѣе яснымъ звукомъ, когда ост-

ріи гвоздей, пройдя сквозь тѣло, начали углубляться въ дерево. Толпа утихла, чтобы насладиться стенаніями, какія муки могли извлечь изъ устъ Назарея. Работа была окончена и тѣло казненнаго вмѣстѣ съ поперечиной поднято кверху. Одинъ изъ солдатъ началъ прибивать къ столбу стопы Назарея". (Стр. 200). Какъ разъ въ это время начинается гроза, а потомъ слѣдуетъ тишина. „Около носилокъ Антеи раздавались рыданія женщинъ, стоящихъ у креста, и было что-то поразительное въ этомъ рыданіи среди царящей тишины. Затѣмъ хлынулъ потокъ солнечныхъ лучей, и все прояснилось: и пригорокъ, н кресты, и испуганныя лица людей. Глава Назарея низко поникла на грудь, блѣдная, словно восковая, глаза его были раскрыты, уста посинѣли. Онъ умеръ!" (стр. 202). Впечатлѣніе этого зрѣлища на нервно-больную Антею было настолько сильное, что она скоро совсѣмъ оправилась. Возможно-ли это?!... Но какимъ средствомъ вылечилъ ее г. Сенкевичъ?... Средство совсѣмъ неподходящее съ точки зрѣнія Православія, которое никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ одобрить худыхъ средствъ въ достиженіи доброй цѣли. Не можетъ одобрить православный христіанинъ и пластичности въ изображеніи свящ. событій, какую въ разсказѣ мы видимъ въ картинномъ описаніи распятіи Христа Спасителя, мало соотвѣтствующемъ научнымъ выводамъ археологіи страданій Христовыхъ. По уставамъ Православной Церкви, въ изображеніи священныхъ событій должна быть выражена идея—православный догматъ. Но въ изображеніи распятія Назарея, какое представлено въ разсказѣ „Пойдемъ за Нимъ", мало замѣтна смерть Богочеловѣка—Искупителя всего міра; скорѣе это картинное описаніе позорной смерти обыкновеннаго человѣка, хотя и выдающагося среди другихъ. Несоотвѣтствуетъ дѣйствительности и то, будто толпа евреевъ при крестѣ наслаждалась стенаніями и муками невиннаго страдальца. Вѣдь евреи—не римляне, для которыхъ кровавое зрѣлище и

запахъ человѣческой крови составляли настоящее наслажденіе. За преувеличенный воображеніемъ реализмъ въ Писаніи распятія Христова, за слишкомъ беззастѣнчивое пользованіе Евангельскими событіями для цѣлей литературнаго вымысла, въ ущербъ истинѣ и строго благоговѣйному чувству къ Евангелію, не скажемъ-„задушевное спасибо“ автору и переводчику разсказа „Пойдемъ за Нимъ!“

Повѣсть „Царь и дома Давидазъ“ составлена въ формѣ писемъ (39) изъ Іерусалима неизвѣстной современницы земной жизни Спасителя—молодой еврейской дѣвушки Адины къ своему отцу. Письма эти обнимаютъ три съ половиною года общественнаго служенія Іисуса Христа, отъ явленія Іоанна Крестителя въ пустынѣ до вознесенія Господня. Главнѣйшія событія изъ Евангелія въ повѣсти передаются болѣе или менѣе согласно съ подлиннымъ Евангельскимъ текстомъ, но есть и много добавленій. Такъ авторъ дерзнулъ присоединить къ проповѣди Іоанна Крестителя подходящія выраженія изъ пророчествъ Давида, Исаіи, Іереміи, Осіи и Іоиля. Сочинены авторомъ нѣкоторые вопросы апостоловъ, обращенные къ Іисусу Христу, въ родѣ, напр., слѣдующаго вопроса Ап. Петра: „Учитель! Ты всѣмъ возвращаешь утраченныя силы, какъ можешь страдать Ты, когда носишь въ Себѣ Самомъ источникъ жизни?“ На это Іисусъ Христосъ отвѣчалъ будто-бы такъ: „Не сказано-ли въ Писаніи про Меня: Онъ взялъ на себя наши немощи и болѣзни? Я приходящаго ко мнѣ не изгоняю вонъ, ибо Я сошелъ съ небесъ для того, чтобы творить волю пославшаго Меня Отца“ (151 стр.). Вопросъ и отвѣтъ эти передѣланы изъ бесѣды Спасителя „о хлѣбѣ животномъ“, т. е. о таинствѣ причащенія (гл. 6-я еванг. отъ Іоанна, ст. 34—37). Измышлена авторомъ бесѣда первосвященника Каіафы съ Іисусомъ Христомъ въ храмѣ, при изгнаніи торгующихъ (стр. 158). О Маріи Магдалинѣ въ повѣсти имѣются сообщенія романическія: будто-бы она влюбилась въ предводителя

римскаго легіона Эмилія Лепида, не выдержала разлуки съ избранникомъ сердца и, ловко обманувъ бдительный надзоръ матери, бѣжала къ нему" (стр. 116). Подобный же романъ указывается и въ жизни Маріи—сестры Лазаря. Эта Марія будто-бы „поддалась обольщенію любви и, повѣривъ коварнымъ обѣтамъ молодого князя Валерія Ирода, покинула для него родительскій домъ. Сынъ и наслѣдникъ Ирода Четвертовластника—Валерій Иродъ обманулъ Марію, и она съ неимовѣрнѣмъ трудомъ бѣжала отъ него; пришла въ Назаретъ къ Маріи—благословенной матери Іисуса. Здѣсь она увидѣла впервые ея Божественнаго Сына. Онъ уврачевалъ наболѣвшее ея сердце и поручилъ праведной и непорочной матери отвести заблудшую овцу въ покинутое ею родное стадо" (205—206). Все это вымыселъ и вымыселъ!!... Но и это еще не конецъ. Отъ составителя получили имена лица, въ Евангеліи не поименованныя: наинская вдова—имя Сарры, сынъ ея—Сумуила, разбойники, распятые со Христомъ, названы Измерай и Амврій (благоразумный); отецъ Лазаря—раввинъ Авель, жена Пилата—Луція Метелла и т. п.

При чтеніи повѣсти „Царь изъ дома Давида", нельзя не усмотрѣть двухъ цѣлей составленіе ея: первая—доказать неосновательность еврейскихъ воззрѣній на Мессію, какъ на Царя земного, а вторая—показать, что въ Евангельской исторіи нѣтъ скачковъ. Для выполненія первой цѣли авторъ выдумалъ Адину—еврейскую дѣвушку, воспитанную съ дѣтскихъ лѣтъ въ еврейскихъ взглядахъ на Мессію. Эту-же самую Адину авторъ поставилъ въ непосредственныя отношенія къ Спасителю, заставилъ ее саму во очію видѣть событія земной жизни Спасителя, и, такимъ путемъ, сначала убѣдилъ ее, что жившій на землѣ Іисусъ воистину Христосъ—Сынъ Бога живаго, а она убѣдила въ томъ-же своего отца. Что же сказать можно противъ этого? Конечно, всякому христіанину желательно обратить къ истинѣ заблудшихъ, а еще же-

лательнѣе обратить цѣлый еврейскій народъ. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что къ истинѣ ведетъ и истинный путь, а составленіе самоизмышленной повѣсти о Христѣ—путь ложный, осуждаемый не одною Церковію, а и здравымъ человѣческимъ смысломъ.

А что дѣлаетъ авторъ, чтобы показать въ своей повѣсти, что въ Евангельской исторіи, какъ и во всякой исторіи, нѣтъ скачковъ? Онъ, несомнѣнно, неудовлетворенъ краткимъ Евангельскимъ разсказомъ, а иногда и простымъ упоминаніемъ нѣкоторыхъ лицъ и событій. Такъ напр. ему Евангеліе не разъясняетъ причинъ близости Лазаря ко Христу, и онъ влагаетъ въ уста Лазаря слѣдующее признаніе: „Мы съ Нимъ (т. е. Лазарь съ Іисусомъ Христомъ) одних лѣтъ, и я считаю себя счастливѣйшимъ, что называюсь Его другомъ. Если, какъ говорятъ, у меня правильно развитой умъ, доброе сердце и основательныя понятія о духовномъ призваніи человѣка, я всѣмъ обязанъ ему, моему единственному наставнику и учителю“ (стр. 54). Стало-быть, Лазарь близокъ ко Христу, какъ ученикъ къ своему единственному наставнику и учителю. Но для такого вывода можно было-бы обойтись и однимъ Евангеліемъ, гдѣ сказано, что Лазарь былъ другъ Іисуса, что Іисусъ училъ въ домѣ Лазаря, а не измышлять признаніе Лазаря. Приведенное романическое приключеніе Маріи—сестры Лазаря опять измышлено, чтобы объяснить привязанность Маріи къ Іисусу живымъ откликомъ Его на ея сердечное несчастіе, при первой ихъ встрѣчѣ. Вообще для историческаго разъясненія Евангельскихъ событій въ повѣсти „Царь изъ дома Давида“ находятся полныя характеристики лицъ, съ указаніемъ изъ прирожденныхъ особенностей, но только опущенъ изъ виду сверхъестественный элементъ въ Евангельской исторіи. А вѣдь иное дѣло во вліяніи человѣка на человѣка, а иное во вліяніи на человѣка—Богочеловѣка. Для перваго необходимы многіе годы и предшествующія обстоятельства, для второго

же достаточенъ одинъ мигъ, одно мгновенное дѣйствіе на человѣческую душу Всевидящаго и Всемогущаго Бога. И это дѣйствіе на человѣческую душу совершенно понятно тому, кто глубоко вѣруетъ, что Господь все совершаетъ путями, „ими же вѣсть“ Самъ.

Въ заключеніе разбора повѣсти „Царь изъ дома Давида“ приводимъ изъ нея одно письмо св. Апостола Іоанна Богослова къ нѣкоей Маріи, съ которой соединяла его „привязанность, не пораждающая въ нихъ страстной любви, но настолько сильная, чтобы связать ихъ непорочныя сердца самой искренней дружбой“ (стр. 25). Вотъ это письмо. „Гадаринская область за Іорданомъ. Податель сего, дорогая Марія, одинъ изъ учениковъ Христа, по имени Вартимей. Онъ былъ слѣпъ и жилъ подаяніями. Теперь онъ видитъ и ходитъ по городамъ и селеніямъ (гдѣ всѣ его знавали съ рожденія слѣпымъ), прославляя Христа, возвратившаго ему зрѣніе. Пишу, чтобы пожелать добраго здоровья. Много хотѣлъ бы вамъ передать, но полагаю, самъ васъ завтра увижу и потому говорю: до свиданія! Много я за это время слышалъ чудеснаго отъ моего Божественнаго учителя по поводу его призванія въ міръ, и постараюсь передать вамъ, если съумѣю, хоть нѣкоторыя великія и неопровержимыя истины Его Небеснаго ученія. Покуда да будетъ надъ вами миръ и душевный покой!“ (стр. 180—181). Какая грубая и фальшивая поддѣлка! Кому не видно, что такимъ языкомъ, какимъ написано письмо, могутъ говорить только европейцы 19 вѣка, и никакъ ужъ не греки періода земной жизни Спасителя! А вѣдь нарочно удержано и выраженіе, встрѣчающееся въ подлинныхъ писаніяхъ Апостола Іоанна: „многое имѣю писать вамъ, но не хочу на бумагѣ чернилами, а надѣюсь прійти къ вамъ и говорить устами къ устамъ, чтобы радость ваша была полна“ (1 Іоан. ст. 12; ср. 3 Іоан. ст. 13 и 14). Вольность въ обращеніи съ свящ. Писаніемъ передѣлываетъ это простое

прямое и искреннее выраженіе апостола Іоанна въ риторическую фразу совсѣмъ некрасивую! «многое хотѣлъ-бы вамъ передать, но полагаю, самъ васъ завтра увижу и потому говорю до свиданія». Письмо это нисколько не выясняетъ истиннаго характера возлюбленнаго ученика Христова, а только набрасываетъ тѣнь на сего дѣвственника"....

Но довольно пересказа и примѣровъ беллетристическаго толкованія Евангелія!... Грѣхъ литераторовъ, исказившихъ въ своихъ произведеніяхъ Евангеліе, лишившихъ его посредствомъ вымысла невыразимой чистоты и яснаго блеска, очевиденъ...

Если сравнивать указанные три вида толкованія Евангелія, то болѣе гибельнымъ для христіанина оказывается первое—отрицательно—критическое, такъ какъ имъ подрываются въ корнѣ основы нашей вѣры—вѣры во Христа Сына Божія нашего Спасителя и Искупителя. Но въ количественномъ отношеніи ложное толкованіе Евангелія въ беллетристикѣ зла принесло и приноситъ больше, чѣмъ раціоналистическое „новое Евангеліе" и ненаучное, опирающееся на упрямствѣ сектантское толкованіе. Различныя попытки истолкованія Евангелія говорятъ о назрѣвшей въ нашемъ обществѣ потребности—въ доступномъ пониманію каждаго комментаріи къ св. Евангелію. Но не беллетристъ—комментаторъ Евангелія, равно и не человѣкъ, прельстившійся въ своемъ разумѣ, а св. Православная Церковь, которая всегда владѣетъ всѣми истинными способами изъясненія Слова Божія. Только такія толкованія Евангелія, которыя приняты св. Церковію, или допускаются съ благословенія Церкви, православному христіанину и принимать должно съ вѣрою въ истинность ихъ. Казалось-бы, что эта истина общеизвѣстна, вполнѣ справедлива и не требуетъ настойчивыхъ повтореній; но въ томъ-то и все горе нашего времени, что люди, извращающіе Евангеліе поступаютъ такъ съ преднамѣренною цѣлію освободиться отъ руководства св. Церкви Христовой. Въ виду этого взываемъ ко

всѣмъ ревнителямъ православія—быть на стражѣ стада Христова,— т. е. св. Церкви, ни на минуту не забывая словъ Спасителя: „Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные: по плодамъ ихъ узнаете ихъ“ (Матѳ. 7, 15. 16).

Было-бы ошибочно, если бы кто изъ нашей рѣчи вынесъ то убѣжденіе, что мы отнимаемъ у людей всякое право толкованія Слова Божія. Нѣтъ. Мы никогда не забываемъ словъ Спасителя: „Испытайте Писанія“ (Іоан. 5, 39); но при этомъ отъ всей души желаемъ, чтобы толкованіе Евангелія было намъ во спасеніе, а не въ нашу пагубу.

Свящ. *І. Троицкій.*

Взглядъ митрополита Іоанникія на борьбу съ пьянствомъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, когда пьянство широкой волной разлилось по всей Россіи, правительство обратило на это серіозное вниманіе. Вопросъ о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ былъ предложенъ на обсужденіе Св. Синода. Послѣдній особымъ циркуляромъ (1889 г.) обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса къ епархіальнымъ архіереямъ, которые и не замедлили дать свои отвѣты. Въ числѣ нихъ былъ отвѣтъ и покойнаго митрополита Іоанникія. „Что касается вопроса о томъ,—писалъ онъ,—какія могли бы быть приняты мѣры къ цѣлесообразному направленію дѣятельности обществъ трезвости, попечительствъ и братствъ по искорененію въ народѣ пьянства, то при данномъ положеніи дѣла представляется слѣдующее.

„Такъ какъ обществъ трезвости въ Московской епархіи не существуетъ, то прежде необходимо озаботиться ихъ открытіемъ. Но для сего епархіальному начальству и духовенству необходимо знать взглядъ на сіи учрежденія высшаго

церковнаго правительства и имѣть для своихъ начинаній и мѣропріятій по организаціи обществъ трезвости твердую опору въ ясныхъ и опредѣленныхъ указаніяхъ Святѣйшаго Синода. Въ противномъ случаѣ, духовенство, которое, нѣтъ сомнѣнія, съ сочувствіемъ откликнется на призывъ высшей духовной власти къ новому роду дѣятельности, будетъ колебаться, опасаясь столкновенія съ правительственными лицами и учрежденіями свѣтскаго вѣдомства. Было бы въ высшей степени желательно достигнуть совмѣстнаго и единодушнаго дѣйствованія на этомъ поприщѣ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго вѣдомства. По крайней мѣрѣ, было бы полезно, чтобы о распоряженіи Святѣйшаго Синода относительно обществъ трезвости было поставлено въ извѣстность офиціальнымъ порядкомъ и гражданское извѣстно".

Образцомъ для общества трезвости, по мнѣнію митрополита Іоанникія, должно служить общество, открытое. С. А. Рачинскимъ въ селѣ Татевѣ.

„Мѣры, какими будущимъ обществамъ трезвости предлежитъ дѣйствовать для достиженія поставленной ими цѣли, даже въ предѣлахъ одной епархіи, должны быть весьма разнообразны, по различію мѣстныхъ условій; указать изъ нихъ наиболѣе цѣлесообразныя возможно лишь послѣ ближайшаго ознакомленія съ сими условіями. Теперь же могутъ быть намѣчены мѣропріятія лишь общаго характера.

„Прежде всего проектируемыя общества должны представлять собою религіозный союзъ, такъ сказать, церковное братство, возникать при участіи и благословеніи церкви и дѣйствовать подъ ея водительствомъ. Первымъ членомъ сего братства долженъ стать мѣстный приходскій священникъ. Невозможно отъ всякаго священника потребовать обязательства совершеннаго воздержанія отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, но и умѣренное, разумное ихъ употребленіе будетъ служить наилучшимъ средствомъ для воздѣйствія на

прихожанъ, по крайней мѣрѣ, отниметъ у пасомыхъ поводъ возражать своему пастырю: „врачу, исцѣлися самъ“. Только при этомъ условіи будутъ имѣть силу и дѣйственность всѣ прочія средства пастырскаго вліянія, къ коимъ принадлежатъ: а) разъясненіе пагубности пьянства на урокахъ въ школѣ, чтобы съ дѣтскихъ лѣтъ возбудить боязнь и отвращеніе къ сему пороку; б) проповѣдь о семъ предметѣ съ церковной каѳедры, особенно предъ сырною недѣлею, во дни пасхальные, предъ храмовыми праздниками и при совершеніи бракосочетаній; в) усиленное воздѣйствіе на совѣсть при исповѣди прихожанъ, подверженныхъ нетрезвости; г) внѣбогослужебныя собесѣдованія въ праздничные дни и, для лучшаго укрѣпленія въ памяти пастырскихъ наставленій, раздача печатныхъ листковъ съ образцовыми поученія о вредѣ пьянства; д) нарочитое посѣщеніе прихожанъ, страдающихъ недугомъ пьянства, для ихъ увѣщанія, съ указаніемъ на очевидныя слѣдствія пагубной страсти, отражающіяся на всемъ внѣшнемъ быту пьяницы: личномъ, семейномъ, общественномъ, не говоря уже о нравственномъ его состояніи. Пастырская ревность откроетъ священнику и многія другія мѣры воздѣйствія на сердце пасомыхъ. Свою долю участія и помощи священнику могутъ принять на себя и члены его семьи, сыновья священниковъ и другихъ членовъ причта, какъ обученные въ школахъ; проживая въ домѣ родителей, въ вакаціонное время, напримѣръ, съ успѣхомъ могутъ удовлетворять потребности нашего крестьянина послушать чтенія религіозныхъ книгъ, пѣнія церковныхъ пѣсней и молитвъ. Въ церковной сторожкѣ, въ школѣ, въ крестьянской хатѣ, а лѣтомъ и въ церковной оградѣ въ праздничное послѣобѣденное время легко собрать крестьянъ на чтеніе или для общаго пѣнія—лучшее наполненіе праздничнаго досуга съ цѣлію отвлеченія жителей отъ питейнаго заведенія. Читать народу сочиненія религіозно-нравственнаго содержанія и именно направленныя противъ

порока нетрезвости, по желанію и выбору священника, могутъ также и грамотные члены общества изъ прихожанъ".

Кромѣ этого, священникъ долженъ былъ, по мнѣнію митрополита Іоанникія, стараться пріобрѣсти въ члены общества трезвости представителей сельской власти и мѣстной интеллигенціи. „Участіе въ обществѣ трезвости этихъ лицъ,—писалъ митрополитъ Іоанникій,—важно въ томъ отношеніи, что они, помимо несомнѣннаго вліянія собственнымъ примѣромъ, могутъ оказывать содѣйствіе силою своей власти и значенія. Одушевляемые высокими цѣлями общества трезвости, они совокупнымъ дѣйствованіемъ могутъ склонить приходскую общину, если ни къ совершенному закрытію въ приходѣ питейныхъ заведеній, то, по крайней мѣрѣ, къ устраненію безпорядковъ и злоупотребленій питейной торговли со стороны виноторговцевъ, имѣющихъ интересъ поддерживать и поощрять пьянство въ народѣ. Словомъ, союзъ священника съ представителями сельской власти и мѣстной интеллигенціи и ихъ общія дружныя усилія обѣщаютъ утѣшительныя для общества трезвости результаты. Недавно призванные къ дѣятельности земскіе начальники могли бы также имѣть громадное значеніе для общества трезвости. Соединяя въ своемъ лицѣ административную и судебную власть, стоя весьма близко къ народу и пользуясь высшимъ авторитетомъ своего званія, земскій начальникъ располагаетъ множествомъ средствъ для успѣшнаго властнаго вліянія на подвѣдомое ему населеніе въ смыслѣ противодѣйствія развитію пьянства; вслѣдстіе этого, общества трезвости должны предоставить мѣстному земскому начальнику титулъ почетнаго предсѣдателя.

„Уничтоженіе пьянства, такъ сказать, уличнаго, публичнаго всецѣло зависитъ отъ его власти. Обычай предъ каждыми выборами прибѣгать къ помощи спиртныхъ напитковъ для дешеваго подкупа избирателей—теперь, съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ, можно надѣяться, прекратить свое

существованіе. Для общества трезвости уже одно уничтоженіе упомянутаго прискорбнаго обычая есть великое пріобрѣтеніе".

Но особенно, по мнѣнію митрополита Іоанникія, нужно заботиться объ открытіи возможно большаго числа обществъ трезвости въ городахъ. Городъ,—писалъ онъ,—и просвѣщаетъ и развращаетъ деревню, онъ награждаетъ ее дарами цивилизаціи, онъ же и заражаетъ ее своими пороками и болѣзнями. Городскому обществу трезвости такъ же, какъ и сельскому, необходимо заручиться содѣйствіемъ представителей, какъ городской власти, такъ и городского самоуправленія. При такомъ вліятельномъ составѣ общество трезвости, помогая правительственнымъ учрежденіямъ въ наблюденіи и пресѣченіи злоупотребленій въ питейной торговлѣ, можетъ принимать рядъ мѣръ, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, къ ограниченію въ населеніи пьянства.

Такъ, для предупрежденія праздничнаго разгула, оно можетъ устроить публичныя чтенія религіозно-нравственнаго содержанія и организовать пѣвческія собранія. Обществамъ трезвости, съ цѣлію отвлеченія городскихъ обывателей отъ праздничнаго времяпрепровожденія въ трактирахъ и другихъ питейныхъ заведеніяхъ, естественнѣе всего воспользоваться извѣстною любовію нашего народа къ пѣнію. Собранія для общенароднаго пѣнія, по достаточномъ навыкѣ, могутъ быть допущены при службахъ церковныхъ.

Общее пѣніе, по мнѣнію покойнаго владыки Іоанникія, должно быть непремѣннымъ спутникомъ всѣхъ публичныхъ религіозныхъ чтеній и внѣбогослужебныхъ бесѣдъ. Лучше всего это устраивать въ городскомъ соборѣ, какъ и наиболѣе обширномъ и всѣмъ извѣстномъ. Кромѣ того, владыка проводилъ и ту мысль, что на городскихъ и базарныхъ площадяхъ и вообще на тѣхъ улицахъ, гдѣ любитъ бывать народъ, полезно бы устраивать уличныя библіотеки и кіоски для про-

дажи народу дешевыхъ книгъ и листковъ о пьянствѣ. „Хорошо было бы,—писалъ онъ,—если бы ревностные члены общества трезвости вступали здѣсь въ бесѣды съ народомъ о вредѣ пьянства и пользѣ трезвести. Во-время сдѣланное предостереженіе вѣдь не разъ спасало людей отъ ошибки и преступленія.

„Въ концѣ года члены приходскаго общества трезвости пусть собираются въ общее собраніе для обозрѣнія дѣятельности за истекшій годъ и для обсужденія и разрѣшенія вопросовъ о лучшемъ достиженіи задачъ общества трезвости".

Для лучшей постановки дѣла борьбы съ пьянствомъ и для объединенія обществъ трезвости между собою, покойный владыка совѣтовалъ учредить особый органъ печати въ С.-Петербургѣ или Москвѣ.

Многое изъ того, что митрополитъ Іоанникій десять лѣтъ тому назадъ предполагалъ нужнымъ предпринять для борьбы съ пьянствомъ, теперь уже осуществлено, хотя не въ такихъ размѣрахъ, какъ это предносилось его взорамъ. И причина этого въ томъ, что у православнаго духовенства для дѣятельности противъ пьянства еще до сихъ поръ нѣтъ тѣхъ точно определенныхъ устоевъ, установить которые прежде всего и требовалъ митрополитъ Іоанникій. А пока ихъ нѣтъ. каждому пастырю приходится начинать дѣло сначала, съ одной вѣрой въ Бога, безъ всякой подготовки и знанія. И много ему придется потратить времени и силъ прежде. чѣмъ онъ почувствуетъ подъ особой крѣпкую почву.

Будемъ надѣяться, что мысль покойнаго владыки объ опредѣленіи точныхъ нормъ въ дѣятельности обществъ трезвости не погибнетъ, а осуществится и дастъ возможность пастырю идти не позади все болѣе и болѣе нарождающагося движенія въ защиту трезвости, а впереди... („С.-Петер. Дух. Вѣстн.").

Извѣстія и замѣтки.

Некрологъ.

Въ 4 часа утра 22-го августа скоропостижно отъ апоплексическаго удара скончался въ Кіевѣ преподаватель Кіево-Софійскаго духовнаго училища Николай Яковлевичъ Хойнацкій: Окончивъ курсъ Кіевской духовной Академіи въ 1881 году, покойный всѣ свои лучшія силы и годы отдалъ дѣлу воспитанія и образованія юнѣйшаго духовнаго поколѣнія. Искренно любя духовныхъ воспитанниковъ, онъ всегда относился къ нимъ сердечно и отечески доброжелательно. Признательные его питомцы отъ души пожалѣютъ о своемъ ласковомъ, привѣтливомъ и добромъ Николаѣ Яковлевичѣ, а тѣ изъ нихъ, которыхъ Господь сподоболъ предстоять Престолу Своему, вознесутъ и будутъ возносить Свои молитвы о упокоеніи души его въ обителяхъ Отца Небеснаго.

Отпѣванье покойнаго Н. Я. Хойнацкаго происходило 24 августа въ церкви на Аскольдовой Могилѣ. Совершено оно было Преосвященнымъ Сильвестромъ, Епископомъ Каневскимъ, въ сослуженіи о. Инспектора духовной Академіи, архимандрита Платона, настоятеля св. Владимірскаго Собора протоіерея І. Н. Королькова, протоіереевъ А. А. Корсаковскаго и С. И. Трегубова, смотрителя училища Д. И. Горянскаго и многихъ другихъ священнослужителей. Во время отпѣванія прот. С. И. Трегубовымъ, преподавателемъ семинаріи П. П. Петрушевскимъ и сослуживцемъ покойнаго преподавателемъ. Макаревичемъ были произнесены надгробныя, исполненныя глубокаго чувства и соболѣзнованія, рѣчи, охарактеризовавшія почившаго, какъ неустаннаго труженика полезнаго общественнаго дѣятеля, прекраснаго товарища и примѣрнаго семьянина.

Вѣчная память неутомимому дѣлателю на нивѣ духовнаго просвѣщенія!

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ДЛЯ ЧТЕНІЙ О СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ

Императорскимъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ

изданы слѣдующія брошюры подъ общимъ заглавіемъ:

Чтенія о Святой Землѣ:

I. *Священная географія. 1-й вып.* Общее понятіе о Св. Землѣ; 2-й и 3-й вып. Горы Св. Земли; 4-й вып. Равнины Св. Земли; 5-й вып. Долины и пустыни Св. Земли; 6-й вып. Озера Св. Земли; 7-й вып. Рѣки и ручьи Св. Земли и 8-й вып. Источники и пруды Св. Земли,—Протоіерея Н. А. Елеонскаго (Чтенія эти представляютъ собою вполнѣ законченное географическое описаніе Св. Земли, въ связи съ событіями изъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, а также даютъ вѣрное понятіе о современномъ состояніи мѣстностей, гдѣ таковыя событія происходили).

II. *Священная исторія на Св. Землѣ 9—30 вып.* Ветхій Завѣтъ (I—XXII). Протоіерея В. С. Соловьева. (Въ вышеозначенныхъ 22 выпускахъ чтеній изложена Священная Исторія Ветхаго Завѣта отъ переселенія Авраама въ землю Ханаанскую до Рождества Христова, въ связи съ современными условіями жизни Св. Земли и съ указаніемъ священно-историческихъ мѣстностей въ ихъ настоящемъ состояніи).

III. *Русское паломничество. 36-й и 37-й вып.* Древне-русское паломничество. А. Н. Пыпина; 38-й вып. Путь въ Св. Землю. В. Н. Хитрово; 39-й и 49 й вып. Іерусалимъ и его ближайшія окрестности,—его-же; 41 вып. Виѳлеемъ, Хевронъ, Горняя,—его-же; 44-й вып. Лавры Свв. Саввы, Ѳеодосія и Харитонія,—его-же; 46-й вып. Храмъ Воскресенія въ Іерусалимѣ, М. И. Осипова. 47-й вып. Виѳлеемъ и его окрестности,—протоіерея Н. Н. Трипольскаго. 48-й вып. Святая Земля по слѣдамъ Русскихъ паломниковъ. I. Путь въ Св. Землю, Іерусалимъ и его окрестности. В. Д. Юшманова; 51-й вып.

Богошественная гора Синайская. Описаніе ея (I). В. Г. Добронравова; 52-й вып. Богошественная гора Синайская. Святыни ея (II). Его-же.

IV. *Современное положеніе Св. Земли 31-й вып.* Судьбы Іерусалима и Русскіе паломники,—протоіерея П. Смирнова; 32-й вып. Протестанты въ Св. Землѣ—Д. С. Дмитріевскаго; 33-й вып. Латиняне въ Св. Землѣ,—его-же; 34-й вып. Инославные въ Св. Землѣ.—А. И. Левочскаго; 35-й вып. Императорское Православное Палестинское Общество,—И. В. Малиновскаго; 45-й вып. Историческія судьбы Св. Града Іерусалима,—И. А. Виноградова; 50-й вып. Православіе въ Св. Землѣ и дѣятельность Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества для его поддержанія,—А. М. Курочкина

Цѣна каждаго выпуска 15 коп.

Выписывающіе книги изъ склада изданій Общества пользуются, по желанію, уступкою: выписывающіе на 10 руб. и болѣе—10%, члены Общества—20%, библіотеки учебныхъ заведеній и книгопродавцы 30%. Пользующіяся уступкою, за пересылку книгъ уплачиваютъ по разстоянію.

Туманныя картины ко всѣмъ вышепоименованнымъ чтеніямъ имѣются въ складѣ изданій Общества по цѣнѣ:

Раскрашенныя по 1 руб. 50 коп., нераскрашенныя по 75 коп. Уступки на картины не дѣлается, расходы по пересылкѣ относятся на счетъ покупателей.

Подробные каталоги изданій Общества и туманныхъ картинъ высылаются безплатно.

Складъ изданій: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., д. № 36.

И. д. редактора неоф. части свящ. *В. Соколовъ*.

Отъ Кіевс. духовн. цензур. Комитета печат. дозв. 17 сентября, 1900 г.
Цензоръ, проф. Акад. прот. І. *Корольковъ*.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица.